

КЛЮЧ

Юрий Михайлович Низовцев

Ключ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64025992

SelfPub; 2021

Аннотация

Существует ли абсолютно непознаваемое? В принципе, да. Например, бесконечность. Тем не менее, как и насколько близко можно подойти к сущности этого пока непонятого и неопределимого – своего рода «вещи в себе»? Есть ли тот или иной ключ к непознаваемому? По-видимому, приблизиться к непознаваемому могла бы дать только некоторая модель, если, конечно, она позволит объяснить то, что остается непонятым для тех исследователей, которые пользуются только опытными данными и аналитико-синтетическими методами. Ниже даны примеры объяснения подобного, скрытого от обычных методов исследования.

Юрий Низовцев

Ключ

1. Что можно выявить с обратной стороны страха?

I

Если какой-либо психолог, – а таких достаточно – скажет Вам, что страх можно побороть, и даже предложит ряд методик, позволяющих это сделать, пошлите его как можно дальше, поскольку страх, как и боль являются неотъемлемыми свойствами, без которых нормальное функционирование любого живого организма невозможно, в чем и состоит позитивное значение страха, в то время как его негативное значение заключается во введение психики в расстроенное или стрессовое состояние, из которого иногда очень трудно выйти.

Правда, существуют состояния сильной страсти или сумасшествия, в которых страх, как и боль теряются, но эти состояния выходят за рамки нормального существования, не предполагая выживания организма.

Конечно, чувство страха для человека можно ослабить фармакологическими средствами или гипнотическими методиками, но эти подходы не имеют отношения к реальной жизни, поскольку ими невозможно постоянно пользоваться. Более того, они разрушают систему взаимодействия организ-

ма с окружающей средой и приводят его при более-менее регулярном применении к быстрой гибели так же, как это происходит при использовании наркотиков.

Если вообще от страха избавиться невозможно, то существуют предметы или ситуации, вызывающие страх, которые можно устранить или заменить, либо обойтись без них. Например, со злой женой (мужем), регулярно и изнурительно вызывающей страх, можно развестись, заменив ее на другую, а можно и вовсе больше не жениться. Так же можно поступить с придирчивым и противным начальником.

Правда, остальные предметы, вызывающие страх, никуда не денутся.

Кроме того, имеются ложные, или выдуманные страхи несуществующих опасностей. Вот с ними можно бороться. Хотя непосредственно к истинному страху, вызываемому реальной угрозой, они отношения не имеют.

Но, увы, множество предметов или ситуаций, вызывающих, либо рождающих страх, таких как ненависть соперника, болезни, смерть, устранить, заменить или избежать невозможно, но можно несколько отстраниться от них, хотя сама угроза, предвестником которой является страх, никуда не пропадает.

Кроме того, иногда страх в отношении некоторых явлений, особенно социальных, несет настолько позитивный смысл, что его надо поддерживать, а не бороться с ним. Ниже этому обстоятельству показаны соответствующие примеры.

II

Философы и психологи определяют страх следующим образом.

В. И. Даль указывает, что страх – это внутреннее состояние, обусловленное реальным или предполагаемым бедствием [1].

В этом определении отсутствует значение страха для человека и его сообществ, а также не указаны основные предметы или ситуации, кроме бедствий, вызывающие страх для различных страт общества.

Психолог Леонтьев А. Н. считает страх отрицательно окрашенным эмоциональным процессом. При этом для животных страх – это эмоция, основанная на прошлом негативном опыте, играющая роль в выживании особи [2].

Данное определение страха практически не отличается от определения страха Далем В. И., разве что он распространил его на животных, указав, что он важен для выживания особи.

Психолог и врач Захаров А. И. определяет страх как «аффективное (эмоционально заостренное) отражение в сознании конкретной угрозы для жизни и благополучия человека» [3, с. 9]. При этом там же он отмечает, что страх основан на инстинкте самосохранения, имеет защитный характер и сопровождается физиологическими изменениями высшей нервной деятельности, что отражается на частоте пульса и дыхании, показателях артериального давления, выделении желудочного сока.

Захаров А. И. в своем определении страха так же, как и его предшественники, не балует нас новизной, упирая на отражение в нем угрозы для существования и указывая на его защитный характер, что способствует выживанию, и добавляет некоторые физиологические параметры, что довольно банально.

Кэррол Изард относит страх к базовым эмоциям, полагая что он является врожденным эмоциональным процессом с генетически заданным физиологическим компонентом, строго определенным мимическим проявлением и конкретным субъективным переживанием [4]. Причинами страха он считает реальную или воображаемую опасность, причем страх мобилизует организм для избегающего поведения, убегания [5, с. 292].

К. Э. Изард мало чего добавляет к отмеченным определениям страха выше, а уж то, что страх приходится переживать знает каждый, так же как знает, что появлении страха предполагает желание убраться подальше от предмета страха.

Все остальные специалисты в этой области знаний, в сущности, изрекают подобные идеи, подтверждая, что страх относится к врожденным эмоциям как реакциям на угрозу, связанным с инстинктом самосохранения (Дж. Уотсон, У. Джеймс, З. Фрейд, Ф. Риман, О. Маурер, Ч. Спилбергер, Н. И. Конюхов, Ф. Б Березин), внося иногда мелкие детали, ничего не меняющие по существу в отношении понятия страха.

В общем, получается, что кроме демонстрации довольно

очевидных признаков специалистами о страхе ничего толкового не сказано.

В их определениях страха отсутствует многозначный смысл, стоящий за понятием страха для человека и его сообществ, а также не указаны основные предметы или ситуации, кроме бедствий, вызывающие страх для представителей различных страт общества, как не указаны и причины появления страха.

Почему так происходит?

Дело в том, что прежде чем вдаваться в подробности и пытаться раскрыть явление, необходимо определить точки приложения этого явления. В частности, для данного случая требуется разграничить сознание животных и сознание человека, показав их разницу и соответственно определив предметы и причины страха в связи с этой разницей.

Суть заключается в том, что для человека, кроме природного сознания, унаследованного от своих предков, развивавшихся в живом мире сотни миллионов лет, характерно обязательное присутствие самосознания, которое впервые появилось в зачаточном состоянии только у гоминидов несколько миллионов лет назад. Поэтому предметы и причины страха необходимо соответственно разделять, тем более что эти предметы и причины страха, появляющихся впервые при развитии его сообществ, носят иной – внеприродный – характер, уже в зависимости от отношений людей в социуме.

Кроме того, следует выявить индивидуальные различия

сознания людей, определить страты, в которые они попадают в соответствии с различиями природного (животного, или низшего) сознания и самосознания (высшего сознания), и только потом попытаться найти основные предметы страха для представителей выявленных страт.

III

Страх как ощущение для всех живых существ в действительности представляет собой реакцию на реальную надвигающуюся угрозу привычному существованию, выражаясь первоначально в появлении настороженности, а затем тревоги, которая для теплокровных существ при превращении опасности в реальное нападение трансформируется сначала в страх, а затем в сильнейший испуг (ужас), создавая соответствующий выброс адреналина в кровь, что придает, например, антилопам максимально высокую скорость спасения от хищника, а хищнику – агрессивность в нападении на добычу или ярость в сражении с соперником, работая тем самым на инстинктивно-гормональном уровне.

Таким образом, страх является своего рода детонатором в создании для существа ситуации, выгодной для выживания, то есть статуса сохранения поступающих в организм ощущений, без которых, – а это чувствует каждое существо вплоть до амебы, – наступает пустота, о которой знают животные, так как для них она случается во сне или при обмороке.

И в этом отношении ни одно живое существо не способно стать бесстрашным, так же как оно не может исключить из

своей жизни боль, которая свидетельствует о степени поражения того или иного органа.

Страх свидетельствует о нежелании любого существа потерять ощущения, значительная часть которых является заведомо приятной, и это нежелание утверждает жизнь, хотя ни одно живое существо, кроме человека не осознает свое существование, то есть не понимает, что оно находится в текущем времени, завершающимся смертью.

Отсюда вытекает разница в характере страха для животных и человека.

Животный страх совпадает с характером страха в природной (животной) части сознания человека, который так же, как и любой примат реагирует на реальную опасность, но страх, проявляющийся в той части сознания, которая дает человеку осознание себя в окружающей среде, делая его уже не только простой динамической составляющей этой среды, но и отчасти ее хозяином и сознательным преобразователем для собственной выгоды, носит иной характер, непосредственно определяющийся отношениями в социуме, в основе которых в свою очередь лежит соотношение природного (животного) и самосознающего компонентов сознания человека, поскольку самосознание присуще только человеку и его сообществам, и оно должно влиять некоторым образом на природную часть сознания и наоборот, тем более что они действуют в мозгу человека совместно, и в этом отношении неразделимы.

Поэтому для самосознания, раз благодаря ему человек способен представлять, проектировать и фантазировать, могут возникать и воображаемые опасности, и страх, связанный с существованием человека не в дикой среде, а в социуме, носит иной характер по сравнению с природным страхом.

То есть кроме преимуществ, которые самосознание дает человеку, оно приносит и множество негативных последствий.

Что же касается непонимания себя любым живым существом, кроме человека как субъекта действия, ставящего перед собой цели, которые не имеют отношения к инстинктивно-рефлекторной сфере жизненной деятельности, делает эти сугубо природные существа вполне довольными существованием в собственной нише жизни по стандартным программам, которые они не понимают и не стремятся сознательно менять. Эти существа не имеют морали, а законы их существования сводятся к сугубо биологическим, в которых господствуют стремления занять наиболее выгодную позицию для питания и размножения, а само их замедленное развитие происходит за счет случайности в виде мутаций в геноме.

Интуитивно эту ситуацию отметил еще в XIX веке датский мыслитель Сёрен Кьеркегор: «Если бы у человека не было вечного сознания, если бы в основе всего лежала лишь некая дикая сила, – сила, что, сплетаясь в темных страстях, порождает всё, от великого до незначительного, если бы за всем была сокрыта бездонная пустота, которую ничем нель-

зя насытить, чем была бы тогда жизнь, если бы не отчаянием? Если бы всё было так, если бы не было священных уз, соединяющих человечество воедино, если бы одно поколение вырастало вслед за другим, подобно листьям в лесу, если бы одно поколение следовало за другим подобно песням птиц в чаще, если бы человеческий род проходил по свету, не оставляя следа, как корабль, скользящий по воде, или как ветер, мчащийся по пустыне подобно бездумному и бесплодному капризу, если бы вечное забвение всегда жадно подстерегало свою добычу и никакая сила не способна была бы вырвать эту добычу из его когтей, как безутешна и пуста оказалась бы тогда жизнь! [6, с. 20].

Хотя, конечно, подобная ситуация является сугубо гипотетической, поскольку человеку дано навсегда не только природное сознание, но и самосознание как высшее сознание для их совместного проявления.

Самосознание придает человеку и его сообществам свойство трансформировать определенный хаос, точнее, господство случайности в развитие, являющееся причиной его медлительности, в ускоренное развитие, которое вызывается уже более упорядоченной, то есть целенаправленной политикой приобретения как человеком, так и его сообществами выгоды в своем существовании.

Другими словами, эту новую тенденцию в развитии живых организмов можно выразить так: «Появившаяся в живом существе в форме гоминида дополнительная програм-

ма осознанно-целевого действия отличается отсутствием автономности: она позволяет этому существу осознавать себя и свои действия в окружающей среде только совместно с прежней программой рефлекторно-инстинктивного механизма действия, обеспечивающей возможность существования организма в среде, то есть его питание, воспроизводство, метаболизм, случайную изменчивость. Поэтому, с одной стороны, у нового существа сознание как бы раздваивается, но, с другой стороны, оно не способноделиться полностью, являясь одной сущностью, в которой, тем не менее, всё время происходит борьба из-за разнонаправленности стремлений, одни из которых направлены на выживание любым способом, другие – на гармонизацию всего существа... Иначе говоря, можно констатировать факт появления совершенно особого, двойственного существа, с одной стороны, по-прежнему являющегося частью среды, но, с другой стороны, совершенно отдельного от среды существа, которое пытается не только понять окружающее, но и подмять всё вокруг под себя, то есть которое полагает себя уже не только живым организмом, а и внеприродной сущностью, в определенной мере владеющей временем... Отметим далее весьма примечательный факт: случайность в обычном живом, представленная в человеке в форме низшего (животного) сознания, и высшее сознание (осознанно-целевое выражение сознания в человеке) являются антагонистами в том отношении, что, если субъект, обладающий высшим созна-

нием, ошибется, то он способен понять свою ошибку и исправить содеянное, существенно ускорив собственное продвижение по пути развития, тогда как случай является своего рода окраиной сознания, составляя существо именно низшей части сознания. Случаем сознание пользуется, если не знает, что и как делать на данном уровне развития, но, принимая случай во внимание, хотя и медленно – с откатами и зигзагами – всё же продвигается вперед.

Таким образом, антагонизм низшей и высшей форм сознания как в человеке, так и его сообществах означает появление новой движущей силы, обеспечивающей наиболее быстрое развитие сознания в его носителе – человеке» [7, часть 3, раздел 5].

IV

Однако появившуюся выгоду в новом существовании – с двойственным сознанием – каждый человек понимает по-своему.

Одним наиболее близки животные ощущения в форме стремлений к самой приятной – именно в смысле ощущений – жизни: в них доминирует животная часть сознания. Другие, у которых превалирует самосознание, более всего стремятся познать окружающий мир, либо сделать жизнь всех людей без горестей и забот, либо развить свои способности. То есть ценностные понятия у людей могут быть совершенно различными, и это зависит, как видите, от соотношения самосознания и животного сознания в каждом человеке, а

также в его сообществах.

Поэтому точно так же характер страха для людей зависит от степени доминирования в каждом из них животной или же самосознающей составляющей сознания.

В частности, одни люди бесстрашно идут на смерть ради своих идей, другие всячески цепляются за жизнь, даже если она превращается в ад.

В результате, значение страха для человека по сравнению с животными меняется. Если животных он только предупреждал и инициировал для предотвращения угрозы жизни, то для самого человека и его сообществ он стал не только предвестником угрозы, но своего рода двигателем прогресса, поскольку, в частности, оказался способным вовлекать значительные группы и даже массы населения в борьбу за перемены в существовании, ускоряя развитие сообществ. Ниже этому даны соответствующие доказательства.

Тем самым общим для всех людей является животный страх, выражающиеся в реакции на реальную опасность, то есть в стремлении так или иначе избежать ее.

Кроме этого страха существуют другие – общечеловеческие – выражения страха, которые уже выходят за рамки чисто инстинктивно-гормональной сферы, то есть выражения страха, которые человек осознает и даже планирует, зная его причины, находясь не в дикой среде, а в организованном социуме.

Эти причины страха включают в себя реальные и вооб-

ражаемые объекты и явления, например, в виде природных и социальных катаклизмов; воображаемых бедствий, которые могут прийти; грозного бога, который накажет за преступления; темных улиц с предполагаемыми бандитами и насильниками; безработицы; наглых и безнаказанных начальников; сильных и непредсказуемых соседей; болезней; смерти и много чего еще.

Но этого мало.

Если признать двойственность сознания как человека, так и его сообществ и, соответственно, взаимовлияние этих составляющих сознания друг на друга, то всё взрослое население можно эмпирически разделить на несколько основных страт в зависимости от степени доминирования той или иной формы сознания и от его уровня, то есть слабости или силы этих составляющих сознания – животного и самосознания.

Таковыми основными стратами являются обыватели, представители властных структур и прочие «руководители» (элита); неформально-интеллектуальная прослойка; творческие, или креативные персоны. Эти страты дополняют в промежутках между ними представители военизированных и правоохранительных структур, служители культа, бизнесмены, управленцы, рантье, криминалитет и разного рода люмпены.

При том надо отметить, что интеллект ни к низшему (животному) сознанию, ни к самосознанию не имеет прямого отношения, поскольку является своего рода отражением тех-

нической эффективности обработки информации, поступающей в управляющую организмом систему (мозг для человека), присутствуя в любом живом существе – от бактерии до человека-гения. Сознание просто владеет доступным интеллектом и применяет его. Интеллект может быть мощным у отъявленного мерзавца и слабым у честного, образованного и культурного человека.

V

Слабое развитие самосознания и столь же слабое проявление животного сознания (низкий уровень неудовлетворенности сознания в обоих случаях), которые находятся в уравновешенном состоянии, характеризуют основную по численности группу любого сообщества – так называемых обывателей, разнообразных по профессиям – от хлебопека и фермера до медработника и клерка, а также неработающих индивидов – от пенсионера до домохозяйки.

Следствием подобной слабости является их незначительный интерес к любому делу, которое непосредственно с их благополучием не связано.

Как правило, высокий интеллект, который появляется не только вследствие обладания врожденными способностями, но и вырабатывается и укрепляется длительной учебой, участием в различных образовательных программах, стремлением к труднодостижимым целям, подобным индивидам не свойственен не только по причине отсутствия у них высоких стремлений, но и вследствие влияния посредственной

или, – как раньше говорили, – мещанской среды, недостатка доступных социальных лифтов, финансовых средств на образование и т. д.

Таким образом, обыватели едины в следующем.

Все представители этого самого значительного слоя каждого сообщества ориентируются в основном на собственный рассудок и опыт: занятые собой и собственным благополучием, они не стремятся ни к «высоким», ни к «низким» целям, ограничиваясь желанием беспроблемной и сытой жизни, в которой неприятности желательно видеть только на экране монитора.

Естественно, характер страха, присущий представителям этой страты общества, связан большей частью с утратой стабильности общества, где обывателю привычно и достаточно комфортно, как лягушке в болоте. Поэтому обыватель всегда боится изменений, нового, неизвестного, но по слабости сознания, а значит, несамостоятельности, склонен поддаваться сторонним влияниям, ведущим, тем не менее, к новому, хотя в основном эти влияния сводятся к обману в виде неисполнимых обещаний, и использованию этого слоя населения этими обманщиками, как правило, политиками, представляющими властную верхушку, в качестве низкооплачиваемого трудового ресурса.

Таким образом, боязнь нового в сочетании со слабостью сознания, как это ни парадоксально, позволяет вовлечь обывателя в движение к неизвестному, если оно обещает ему

еще больший комфорт и устойчивость, хотя бы и обманно. Без этого народные волнения были бы невозможны, как и, собственно, сам прогресс.

В этом отношении страх обывателя перед неизвестным открывает ворота свободе, делая его более активным при соответствующей заправке, то есть этот страх играет для социума позитивную роль.

Как бы то ни было, но условия существования обывателя можно изменить или они могут измениться, или он сам может их изменить, так же как и само сознание может проявить себя с неожиданной стороны, вызвав тем самым иной характер страха, которые могут иметь как позитивный, так и негативный оттенок. В частности, обыватель может заменить определенные страхи на другие, предприняв попытку изменить собственный строй жизни, перебравшись тем самым в другую страту населения, что, например, совершил неграмотный продавец пирогов на базаре Алексашка Меньшиков, став при императоре Петре I в России начала XVIII века светлейшим князем, так и не овладев грамотой – он научился только расписываться.

К трудящимся обывателям примыкают и неработающие, к которым относятся пенсионеры и домохозяйки, составляющие значительную часть населения.

Само по себе превращение в обывателей часто вполне неглупых и довольно развитых субъектов обусловлено за редким исключением довольно быстрым падением у пенси-

онеров уровня как низшего, так и высшего сознания вследствие выпадения из трудового процесса и отсутствия его полноценного замещения в появившееся свободное время.

Объяснение этому довольно тривиальное: с возрастом функционирование мозга ухудшается, в частности, память, быстрота реакции, сообразительность, острота понимания собственного места в мире падают. Сила, ловкость, предприимчивость, а значит, и конкурентоспособность в сравнении с более молодыми индивидами так же снижается из-за проблем со здоровьем.

Кроме того, человек на пенсии далеко немолод, а это означает, что он становится более апатичным, индифферентным ко всему вследствие отсутствия перспектив, кроме приближающейся смерти.

Поэтому, например, общественная жизнь интересует его только с позиции сохранения стабильности, если, конечно, таковая существует, а любые изменения, суть которых он не понимает и приспособиться к которым уже не может, его только тревожат.

Естественно, пенсионер в этом отношении становится и эгоистичным, и консервативным.

Однако, как и прочие обыватели, пенсионеры являются, хотя и дремлющей, но грозной силой, которая может смести любую власть, если таковая попытается лишить их устойчивого и беспроblemного существования вследствие отнюдь не утраченной ими неудовлетворенности низшего (животного)

сознания, которая жестко реагирует на существенное ухудшение условий существования.

Главное, кроме боязни утраты стабильности в обществе, что страшит пенсионеров и вводит их в ступор – это отсутствие перспектив. Поэтому пенсионеры, кто как умеет, стараются отвлечь себя от мыслей о неизбежной и не столь далекой кончине, наступающих болезней и приходящей беспомощности.

Одни тратят всё свое время и жалкие пенсии на перманентное лечение, полагая за счет этого сомнительного мероприятия непонятно для чего задержаться в новом и во многом уже непонятном для них мире, ненадежном и обидном для еще сохранившегося самолюбия.

Другие убивают время выращиванием огурцов летом, а зимой закусывают ими горячительные напитки, доводя себя до полного отупения.

Третьи целыми днями постукивают костяшками домино, вовсе не желая ни о чем думать, благо теперь есть такая возможность.

Четвертые занимают свое время сочинением жалоб на неправильные действия всех бюрократических инстанций без особой надежды на их адекватную реакцию.

Самые же оптимистичные танцуют и поют в соответствующих кружках, а самые умные сочиняют никому не нужные романы и повести, вывешивая их в интернете.

Остальные же пытаются найти себе хоть какую-то работу,

чтобы поменьше думать о своей печальной участи.

Домохозяйки, представляющие также значительную часть обывателей, как и пенсионеры, попадают в своего рода ловушку отсутствия перспектив, страшась уже не близкой смерти, а невозможности выйти за рамки ведения домашнего хозяйства.

Мелочные ежедневные заботы так же быстро понижают уровень их животного сознания и самосознания вследствие невозможности отвлечься на следование высоким стремлениям, тем более что они находятся в зависимости от содержащего семью мужа, и становятся в связи с этим обычными конформистами.

Единственное, что им остается от домашних забот и хлопот – это взгляд в редкие минуты отдыха на странный мир из окна или с экрана монитора.

Они страшатся бессмысленности своей жизни, но не могут с ней покончить из-за невозможности бросить детей, дом, не имея никаких средств к существованию.

Таким образом, устранение или замена этих страхов для пенсионеров и домохозяек невозможна, и их негативный характер очевиден.

Наиболее рельефно жизнь обывателя отобразил русский писатель Антон Чехов в своих рассказах, из которых особенно выделяется «Крыжовник».

Главный герой рассказа ведет однообразную, скучную жизнь. Он копит деньги на усадьбу, чтобы завести там кры-

жовник. Это была его мечта: зажить в усадьбе с крыжовником. Больше он ничего не желал. «Деревенская жизнь имеет свои удобства, – говорил он, бывало. – Сидишь на балконе, пьешь чай, а на пруду уточки плавают, пахнет так хорошо и... и крыжовник растет».

Ну и что? Накопил он денег на усадьбу, завел крыжовник, постепенно опустился, «постарел, располнел, обрюзг». Он судился с соседями, боясь любых перемен, не интересовался ничем, кроме своего крыжовника, много ел и был вполне доволен своим существованием.

А о необходимости изменений он выражался так: «Образование необходимо, но для народа оно преждевременно», «телесные наказания вообще вредны, но в некоторых случаях они полезны и незаменимы».

VI

Как бы то ни было, но обыватели являются основной почвой для представителей интеллектуальных прослоек, которые из этой почвы произрастают случайно, или благодаря тем или иным умениям, способностям, сильной воле, то есть индивидуальным перекосам в сознании, приподнимающим их выше среднего уровня обывателя, и которую они могут испакостить или облагородить, поскольку сам народ, как правило, пассивен из-за своей занятости монотонным трудом для выживаемости и прокормления; косных традиций; религиозных заблуждений; предрасположенности из-за низкого культурного уровня к негативному воздействию ак-

тивной пропаганды информационных обманок, еще больше оболванивающих его; отсутствия должного уровня образования и воспитания, что не позволяет ему массово воспользоваться социальными лифтами и ставить перед собой высокие цели: подобная унылая и беспросветная жизнь, соответствующая неразвитости сознания масс, отнюдь не способствует превращению всей массы людей в сообразительных, образованных, культурных, креативных, энергичных и коммуникабельных субъектов.

Таковых из него выделяется всего лишь несколько процентов.

Но в них безликая народная масса обретает развитие, которое внешне осуществляется в рамках борьбы представителей масс во власти и в неформальной интеллектуальной оппозиции к власти.

VI

Среди обывателей всегда находятся субъекты с несколько более высоким уровнем низшего сознания – это своего рода результат флуктуаций сознания. Этот фактор в данном случае способен вызвать у них стремление не только к сытой, спокойной и благополучной жизни, но и к доминированию среди себе подобных.

Отбирая от высшего сознания (самосознания) соответствующую долю разумности, которая включает повышенную сообразительность, а от низшего (животного) сознания – быстроту реакции, неплохие волевые качества и энер-

гию, коммуникабельность, достаточную ловкость, хитрость и коварство, эти субъекты получают преимущество перед остальными – более инертными членами сообщества в виде обывателей, высокоморальных интеллектуалов разного рода и прочих сравнительно вялых или озабоченных другими делами представителей народонаселения, не способных ловко оттеснить или оболгать соперника, а также с толком насладиться унижением нижестоящих, и вместе с тем терпеть издевки вышестоящих.

Частый недостаток ума индивиды, прорвавшиеся во властную элиту, компенсируют привлечением многочисленных советников, но, поскольку решения в итоге приходится принимать им, постольку они, как истинные творцы собственного счастья, изначально рассматривают свою деятельность с позиции личного (корпоративного), а не народного блага с креном в сторону удержания власти, обретения большей степени собственного доминирования и приобретения всевозможных привилегий, засоряя к тому же руководство различных управляющих и хозяйственных структур своим большей частью бездарным потомством.

Поэтому надежды наивных масс на исправление моральных уродов, хитрых, лицемерных проходимцев, представляющих, в основном, властные элиты различных государств, конкурирующих между собой, не имеют никакого основания, независимо от строя государства и степени его развитости – от деспотии до парламентской демократии.

Для представителей власти доминантой неизбежно является низшее сознание, то есть в их сознании ощущается явный недостаток осознания себя как самоценных личностей, а не как потребителей.

Власть, обеспечивающая для своих представителей значительную долю безнаказанности и безответственности, мало чем ограниченный доступ к привилегиям и собственности принижает их настолько, что они видят в народных массах лишь источник благ для себя и поле для проявления собственных низменных инстинктов.

Однако, опасаясь гнева народа и противодействия неформальной оппозиции, они вынуждены оказывать сопротивление анархии, удерживая, в частности, с помощью реформ тот порядок, который обеспечивает функционирование и развитие общества, но, естественно, не из благородных побуждений, а всего лишь из чувства самосохранения.

Они всегда изымают деньги всеми возможными способами – преимущественно из бюджета, то есть у народа, так как никаких способностей и желания к честным способам заработка у них нет, да и в их обезьяньей сущности отсутствуют понятия о чести, совести, порядочности: ну как тут, не отобрать у народа, то есть – быдла, раз его можно безнаказанно топтать с помощью судов и силовых органов, всё что требуется властной элите для роскошной по их обезьяньим понятиям жизни.

Тем не менее, всегда омрачает эту приятную в отношении

ощущений жизнь необходимость охраны завоеванного места в структурах власти от поползновений конкурентов – и это для них самое важное дело. Иначе придется вместо приятного ощущения всевластия по отношению к большим массам населения издеваться всего лишь над собственной женой, да и то, если она позволит.

Поэтому основной характер страха у этих представителей населения заключается в перманентной боязни потерять свое место во властной элите, где можно, не имея особых талантов, добиться угодливостью начальству значительных благ.

Попытка устранить этот предмет страха – утрату власти – означает вступление в конфликт с базовым свойством любого живого существа – доминирование среди себе подобных для улучшения качества получаемых ощущений, тем более если это свойство низшего сознания выражено сильнее, чем обычно.

Именно сильное стремление преобладать над окружающими является истинной причиной упорства, с которым за власть цепляются даже в неблагоприятных обстоятельствах.

Но если устранить предмет страха власть имущим мешает столь же сильное внутреннее (животное) чувство доминантности, и лишь немногие способны его преодолеть, то замена предмета страха, например, на излете карьеры вполне возможна, тем более что некоторым представителям властной элиты этот характер страха в конце концов надоедает –

им хочется отойти от принятой роли, по существу, властного примата.

И они имеют для этого, по крайней мере, две отдушины вследствие близости своего двойственного сознания с одной стороны к сознанию обывателя, а с другой стороны – к сознанию креативного индивида.

Поэтому они могут, в принципе, заменить свой страх перед трудностями руководства большими массами людей и боязнь интриг жестоких конкурентов на более спокойную жизнь обывателя с его довольно опосредованным страхом перед изменениями благодаря понижению уровня собственного самосознания и ослаблению своего животного сознание практически до уровня рядового обывателя, забравшись в почти непроницаемое убежище, например, выращивая подобно Диоклетиану, еще недавно бывшему императором Рима, капусту в огороде.

Также они могут, наоборот, повысив уровень своего самосознания, перейти к разряд творческих персон, заменив тем самым страх представителя властной элиты, негативно влияющий на развитие самосознания, страхом творческой персоны утратить свои креативные способности, позитивно влияющим на развитие самосознания, и заняться по мере сил сочинением мемуаров подобно герцогу де Сен Симону и недавнему правителю СССР Н. С. Хрущеву, или измышлением афоризмов и максим подобно герцогу де Ларошфуко, искренне гордясь своими творениями.

В качестве обратного примера властолюбца можно указать на ближайшего помощника Гитлера – его личного архитектора и рейхсминистра вооружений и боеприпасов Альберта Шпеера – угодливого, беспринципного и вместе с тем весьма талантливое и неглупое индивида.

Он был автором проекта новой рейхсканцелярии и территории съездов НСДАП в Нюрнберге, генерального плана реконструкции Берлина, успешно руководил военной промышленностью Германии и ее переориентацией на тотальную войну. В частности, с февраля по август 42-го года объемы военного производства Германии выросли на 60%, спустя два года они выросли вдвое.

Несмотря на свою интеллигентность и даже некоторую независимость, Шпеер прекрасно знал о преступлениях нацистов. Мало того, он пользовался услугами Гиммлера, поставившего для него рабочую силу из концлагерей, и не возражал против других злодейских планов Гитлера. Он пользовался всеми благами, предоставляемыми ему занимаемым положением, опасаясь только опалы со стороны Гитлера, и служа ему до самого крушения рейха верой и правдой.

Вследствие того, что интеллигентный Шпеер был «гадким утенком» в компании грубых и наглых нацистских бонз, они постоянно унижали его, а Геринг даже составил против Шпеера заговор. Однако Шпеер не оставлял свой пост и терпел всё издевательства не только из-за страха перед Гитлером, но и потому, что не мог отказаться от власти, которая была

у него беспредельна в военной промышленности.

К тому же утрата власти, бывает, означает потерю жизни или конфискацию немалого имущества, то есть она связана соответственно с исчезновением ощущений вообще или заменой привычных приятных ощущений на неприятности и даже лишения обычной жизни.

VIII

Противостоит этой когорте, по сути, негодяев, составляющих властную элиту (подробнее об этом сказано в наших работах «Как действовали ранее и действуют ныне правители? и поправляемые ими?» [8, раздел 7] и «Каковы были истинные стремления прославленных властителей и причины, вызвавшие их?» [8, раздел 8], неформально-интеллектуальная оппозиция.

Представители этой страты сообщества так же, как и представители властной элиты, возникают первоначально из широких рядов обывателей, среди которых всегда находятся индивиды, в своем развитии достигающие, несмотря на все трудности, доминирования над животным сознанием самосознания высокого уровня, которое вызывает у них преимущественно альтруистические стремления, основным из которых является стремление принести благо всем угнетенным, сделав мир гармоничным и счастливым для всех без изъятия.

Неформалы-интеллектуалы, преследуя в основном цели, противоположные целям представителей властной элиты,

вынуждены апеллировать к народу, доказывая свою правоту и антинародность элиты-угнетателя, которая в свою очередь должна оправдываться и клеймить позором гнилых фантазеров-неформалов, умеющих только говорить, а не управлять и властвовать.

Таким образом, под неформалами-интеллектуалами следует понимать неравнодушных людей умственного труда, интеллектуалов разного рода, а также сравнительно немногочисленных представителей остального населения, сумевших так или иначе подняться в своем самосознании до того уровня, который диктует им отвращение к аморальному и корыстному поведению властной элиты.

Эти люди питают надежду на переустройства общества в сторону гармонии, то есть равенства, братства и вместе с тем свободы, не понимая, что свобода всегда противостоит равенству, справедливости, разрушая любую стабильность. Но эта надежда на гармоничное мироустройство не может исчезнуть в их благостном сознании никогда: они, как истинные гуманисты, не способны поверить, что ужасы нашего мира не могут перейти в благоденствие каждого человека и всего человечества в конце концов.

Неформально оппозиционная часть интеллектуалов, к которым можно отнести разнообразных образованных выходцев из народа в том или ином поколении, – активных, честных, искренне желающих блага народу, то есть с доминантой альтруистичного высшего сознания, никогда не примыкали

и не примкнут к лицемерной и корыстолюбивой управляющей элите государства.

Совершить подобное им не позволит уже достигнутый уровень высшего сознания, ставящий материальные блага на последнее место в ряду ценностей жизни. Поэтому они всегда будут разоблачать нечистоплотных, лицемерных и вороватых власть имущих, бороться за права и гражданские свободы трудящихся, как можно более широко привлекая их к этой борьбе.

Противостояние неформалов-интеллектуалов властной элите не дает обществу застыть, являясь отражением противостояния соответственно высшего и низшего типов сознания в каждом человеке.

Борьба между этими слоями общества при большей частью пассивном поведении остального населения происходит непрерывно с доминированием более энергичной управляющей элиты, провоцирующей ненависть к себе со стороны всех остальных, и тем самым образуя тот антагонизм, который не дает обществу остановиться в развитии.

Проблема определения истинной движущей силы развития человека и его сообществ раскрыта нами в работе «Движущая сила и источник развития человека и его сообществ (Против пассионарности Л.Н. Гумилева)» [9, часть 3, раздел 3].

В результате, народ волей-неволей вовлекается их энергией в поступательное движение, которое может быть и эволю-

ционным при согласии властной элиты с неформальной оппозицией на те или иные компромиссы в интересах трудящихся масс, но может скачкообразно переходить в иное русло, если подобное согласие отсутствует, что в народном сознании отражается как явная несправедливость, трансформирующаяся в более или менее удачную попытку удаления правящей элиты от власти при наступлении подходящих условий.

Поэтому данная страта населения страшится более всего утраты народными массами стремления к собственному благу, как неформалы-интеллектуалы его понимают.

Позитивная особенность этого страха состоит в то, что представители неформальной оппозиции власти стараются всё упорнее воздействовать на обывателей для вовлечения их в борьбу против ненавистной им властной элиты, ускоряя благодаря этому ход общественного развития, и борясь всеми силами с властной элитой, разоблачая ее аморальность, жадность, глупость, всё большее отстранение от народа и предпочтение ею чисто утилитарных ценностей, что в целом существенно замедляет развитие самосознания, тем самым сводя прогрессивное движение цивилизации до минимума.

Характерной особенностью неформалов-интеллектуалов вследствие максимально высокого уровня самосознания, которое в наиболее значительной степени господствует над животным сознанием, и присутствия явного ощущения своего превосходства в благородстве над представителями прочих

страт населения, а также ощущения себя ведущей силой общественного развития, является отсутствие у них стремления поменять свой основной страх на иные его выражения, характерные для остальных страт населения социума.

Одним из наиболее ярких примеров радетеля народного блага является русский демократ Н. Г. Чернышевский.

В своих статьях под общим заголовком «О новых условиях сельского быта» (1858-59гг.) он высказал мысль о немедленном освобождении крестьян с землей без всякого выкупа. Тогда, по его мнению, сохранится общинное землевладения, что постепенно приведет к социалистическому землепользованию. Он считал, что только благодаря просвещению люди научатся выбирать новые и прогрессивные пути, служить народу, быть гуманистами и историческими оптимистами. Он полагал, что необходимо стремиться к удовлетворению потребностей людей, что устранил препятствия к расцвету личности и причины нравственных патологий. Но для этого надо изменить условия жизни революционным путем. В результате, он был отправлен царскими властями в Сибирь на каторгу.

То есть он, как истинный последователь утопистов-социалистов Фурье и Фейербаха, стремился возбуждать общественность якобы готовностью крестьян перейти к социализму непосредственно от общинного землевладения, предполагая, что народные массы адекватно воспримут его соображения относительно такого пути достижения всеобщего бла-

га.

IX

В обществе также имеются индивиды, всегда переполненные глубинным чувством неудовлетворенности по отношению к окружающей их среде, которое приходит к ним от низшего сознания в его стремлении к созданию больших удобств для существования. Однако это чувство сочетается с их высшим сознанием, неудовлетворенность которого недостаточным общественным комфортом, развитием науки и искусства, достигая высокой степени, требует распространить достижения цивилизации и культуры на всех.

Но доминирует при этом низшее сознание, поскольку активность этих индивидов проявляется большей частью инстинктивно, без особых размышлений, с минимумом разумности, давая, тем не менее, наиболее креативные персоны из всех живущих. Правда это доминирование, в отличие от представителей властных структур, является незначительным.

Обычная жизнь с каждодневной повторяющейся работой для них скучна и нелепа, как работа на конвейере по закручиванию гаек.

Правда, талантов среди них обнаруживается не так уж много, но это уж зависит не от образования и воспитания, а от размеров отдельных полей и подполей мозга, а также их сочетания – не слишком часто встречающегося, – благоприятного для тех или иных видов креативной деятельности.

Однако указанное сочетание обоих типов сознания у них, независимо от наличия талантов и способностей, неизменно влечет их к творческой деятельности.

Они всегда стараются творить, часто забывая про отдых.

Графоманы пишут, художники рисуют, скульпторы ваяют с разным успехом, композиторы смешивают звуки, добываясь сколько-то интересного сочетания, изобретатели и новаторы всех видов создают новые устройства, программы, получая, правда, часто тот же велосипед, но все они и прочие творцы нового или необычного. Несмотря по большей части удручающие результаты своих творческих потуг, не желают приобщаться к обычному гражданскому «болоту», опьяненные явственным для них преобразованием мира и общества, тем более что сам цивилизационный уровень, действительно, и культурно, и технологически растет благодаря именно усилиям представителей именно их компании, а не кого-то еще.

Естественно, они горды своей способностью к творчеству, считая ее производной божественной силы, творящей миры.

Поэтому креативные личности более всего страшатся утратить свою способность к творчеству, которое дает им максимально возможное удовлетворение своей деятельностью ведомых в преобразовании окружающей среды в культурном и технологическом отношении.

Позитивность этого страха заключается в том, что он в значительной степени удерживает их в собственной страте

вследствие понимания ими своей ведущей роли в культурном и технологическом преобразовании общества, и укрепляет их в своем сознании двигателя культурного и технологического прогресса общества. Гордость быть вершителем науки и искусства не позволяет им размениваться на прочие, хотя и, быть может, более прибыльные приложения своих сил.

Примером такой творческой личности может быть Людвиг ван Бетховен. Он работал во всех жанрах музыкальной композиции. Бетховен также создал современны фортепианный стиль, далекий от стиля клавесинистов. Его творчество оказало особое влияние на весь последующий симфонизм. Особенно красивы мелодии его симфоний 4 и 5.

Страх отойти от творчества удержал Бетховена его русле, несмотря на насупившую глухоту. Он даже в таком состоянии научился извлекать дивные мелодии из собственной души.

Х

Следует всё же заметить, что вследствие незначительного, но всё же – доминирования в сознании творческих персон низшего (животного) сознания, понижение уровня самосознания, переходящего некоторый предел, превращает полезных для развития общества творческих индивидов в авантюристов и мошенников, которые начинают использовать свои нестандартные и эффективные подходы к решению различных проблем для собственного развлечения или с корыстны-

ми намерениями.

Авантюрист, как известно, – это беспринципная личность, ввергающая себя в различные приключения для собственного удовольствия, и вместе с тем человек, который надеется на случай в каком-то сомнительном деле.

Мошенник – это жулик, старающийся обмануть других ради собственной выгоды.

Таковыми были, например, известный всем Казанова, княжна Тараканова, Мата Хари, Елена Блаватская, Борис Савинков, мадам Вонг, Сон Мен Мун, Сергей Мавроди и множество других.

Все они считают себя умнее и находчивее правоохранителей и всех прочих, но в отличие от представителей властной элиты, не относятся к этим прочим с презрением и не являются их угнетателями, а только подшучивают, как они считают, над людьми, а обманывают, как правило, богатых и знатных, но могут поделиться добытым с простыми людьми.

Больше всего они боятся потерять свободу для своей полу-творческой деятельности на собственное благо, и это, пожалуй, единственное, что их постоянно расстраивает, но променять свою позицию на иную они категорически не желают, полагая ее самой привлекательной из всех имеющихся в силу ее в значительной степени творческого характера, что вытекает из указанного соотношения собственного животного сознания и самосознания.

Подобным авантюристом и мошенником был русский ин-

теллигент с математическими способностями Сергей Мавроди. Он увлекался шахматами и покером. Его склонность к авантюрам проявилась в благоприятной для этого обстановке начала распада Советского Союза. Он стал основателем крупнейшем в России пирамиды, от которой пострадало до 15 миллионов человек. Мавроди правильно рассчитал, что человеческая жадность и стремление получить незаработанное привлечет к нему множество небедных и глупых людей, которые захотят стать еще богаче без особых хлопот.

Довольно быстро лет он был отправлен в тюрьму за сокрытие доходов. Однако он не успокоился, и через несколько лет начал организовывать новые финансовые пирамиды – одну за другой. Люди верили ему, видимо, потому, что он умел очаровывать их даже тогда, когда его пирамиды рушились. В тюрьме он просидел в общей сложности 6 лет.

Он умудрялся пользоваться слабостью людей к нетрудовым доходам не только в России, но и в Африке, Азии и даже в Израиле, США, Италии, Франции.

Его боязнь потерять свободу, а пребывать в тюрьме ему всё же пришлось, привела его к идее стать депутатом и получить тем самым неприкосновенность. Правда, потом ему всё же пришлось скрываться, но даже на нелегальном положении и в заключении он не оставлял свою, видимо, крайне увлекательную для него мошенническую деятельность, хотя деньги его интересовали мало – ему интересен был сам процесс их добывания быстро и в большом количестве.

ХІ

Еще более низкие уровни животного и высшего типов сознания с некоторым преобладанием низшего сознания, а также более слабый интеллект по сравнению с креативными персонами вполне способны дать целую когорту деловых людей (бизнесменов), не павших в своем самосознании до уровня политиков и прочих обманщиков-паразитов, составляющих в основном властную элиту.

Деловые люди многое умеют, стараясь нестандартно подходить к хозяйственной деятельности, но отнюдь не забывают себя, а их бескорыстие сводится, как правило, к благотворительности для уменьшения налоговых потерь.

Именно несколько пониженный уровень самосознания у них по сравнению с истинными изобретателями и художниками превращает бизнесменов в тех же мошенников в кризисных ситуациях.

Правда, от этого они всячески отрекшиваются, но в большинстве своем выбирают себя родимого, а не общественное благо.

Основной характер страха у них представлен сильнейшим и постоянным опасением лишения добытого «тяжелыми трудами», на которое всегда могут положить свою тяжелую длань чиновники, бандиты, банкиры-ростовщики, и прочие проходимцы и лихоимцы, которым несть числа.

Жизнь их тяжела и беспросветна в этом плане, но имеющиеся блага ее существенно скрашивают, и бизнесмены не

склонны менять свое положение на более спокойное именно вследствие преобладания в их сознании компоненты животного сознания, столь тяготеющего к приятному комфорту, активному размножению и прекрасному питанию.

В качестве примера неплохого бизнесмена можно привести Билла Гейтса. Он совместно с Полом Алленом в 1975 году основал компанию Microsoft. Пол Аллен занимался техническими идеями и перспективными разработками, а Гейтс – переговорами, контрактами и т. п.

Позаимствовав основную идею у компаний Xerox и Apple компания Microsoft предложила довольно простую и удобную для пользователей операционную систему Microsoft Windows.

Занявшись распространением этой системы, Гейтс на волне революции персональных компьютеров с течением времени стал одним из самых богатых людей мира.

В 1997 году у него вымогали деньги, но вымогатель потерпел неудачу.

Сравнительно низкий уровень его самосознания подтверждается увлечениями Гейтса различными электронными системами и игрушками в суперкомфортабельном собственном доме, которые он демонстрирует гостям, и увлечением более всего игрой в бридж.

Страх лишиться добытых средств он компенсирует не только отвлечением на игру в бридж, но и сравнительно недавним переключением своей деятельности на благотвори-

рительность, пытаясь тем самым увеличить число своих поклонников, которые смогут защитить его в случае чего.

ХП

К колеблющимся в отношении нравственности деловым людям примыкают столь же неустойчивые в этом отношении экономисты и управленцы.

Для них так же характерно преобладание животного сознания, но не такого высокого уровня, как у представителей властной элиты. Вместе с тем их самосознание находится на более высоком уровне, чем у представителей властной элиты, но ниже по сравнению с уровнем самосознания креативных индивидов. Однако этот уровень самосознания несколько выше, чем у бизнесменов, которые по этой причине более склонны к мошенническим сделкам при малейшей возможности, то есть если не видят непосредственной опасности.

Экономисты-управленцы, как правило, обладают неплохим интеллектом. Они умеют строить неплохие модели действенного управления в хозяйстве, науке и даже в политике, но, находясь на содержании властной элиты, служат ей, и поэтому вряд ли могут быть образцом для подражания в этическом плане.

Они стараются не спорить со своими работодателями, тем более что окончательные решения принимают отнюдь не они, а представители властной элиты, внутри которой всегда идет борьба за большие властные полномочия, а сами решения вызываются, как правило, не интересами страны, наро-

да, а жадной собственного сохранения и обогащения.

Подбирая крохи с барского стола, эти деятели утешают себя за все унижения всевозможными развлечениями в свободное время, качество и количество которых зависит от их финансовой состоятельности.

Они боятся более всего потерять расположение власть имущих, чтобы не утратить занятую позицию и добытые материальные блага, более значительные по сравнению с обывателями. В связи с этим они большей частью лояльны к начальству, даже если его решения выглядят не вполне адекватными.

Таковым управленцем и финансистом был Жан-Батист Кольбер в годы правления во Франции Людовика XIV.

Своей карьерой Кольбер, всего лишь сын купца, обязан первому министру Франции Мазарини, у которого был управляющим, настолько преданным и изобретательным, что тот после его десятилетнего служения порекомендовал Кольбера королю, у которого он с течением времени стал фактическим министром финансов, хотя формально финансами ведал сам король.

Кольбер служил королю так же верно, как и Мазарини, разоблачая злоупотребления в финансовых делах. Он упорядочил налоговую систему, увеличив доходы королевства, обеспечил за счет увеличения экспорта рост поступления денег в казну, регламентировал приготовление товаров в промышленности, обеспечил создание морского флота при-

влечением туда, в частности, населения прибрежных районов предоставлением ему различных привилегий, организовал освоение новых колоний, организовал прокладку новых шоссе и многое другое.

Своей преданностью королю и успехами в работе на благо государства он добился сохранения своих постов во властной элите, несмотря на плебейское происхождение. Однако все его старания оказались напрасными, поскольку добытые им средства и упорядочение государственного устройства пошли не на пользу стране, а на войны, которые непрерывно вел король, разорив в итоге государство.

ХIII

Даже небольшой крен в сторону низшего сознания в его стремлении к доминированию и лучшей (приятной, сытой, с массой развлечений) жизни подталкивает обывателей к переводу себя, если и не непосредственно во властную элиту – для этого у подобного субъекта должна быть повышенная доминантность, – но хотя бы в управленцы, силовики, правоохранители военизированные подразделения, по сути, обслуживающие властную элиту, а кто пронырливее, пытается пробиться непосредственно в эту элиту. Они отлично понимают, что в этой среде можно, не имея особых талантов, добиться значительных благ, если, конечно, обращать внимание только на начальство, служа ему, и пренебрегать остальными.

Представители военизированных и правоохранительных

подразделений – от военных до полицейских, от прокуроров до охранников – отличаются от обывателей, с одной стороны, несколько более высоким уровнем животного сознания, неудовлетворенность которого выражается склонностью к агрессии против более слабых, и своеобразными понятиями о труде, заключающимися в стремлении к уклонению от его наиболее тяжелых форм. С другой стороны, они отличаются от обывателей некоторым ослаблением самосознания, вследствие чего они всегда склонны к конформизму в наиболее ярко выраженной форме, исправно выполняя заведомо глупые или даже преступные приказы своих начальников, что никак не сочетается с чувством собственного достоинства и нормативной этикой.

Естественно, они предпочитают обычной трудовой деятельности в области производства или в сфере услуг тот или иной вид служения большей частью государству за перспективу карьерного роста. Как правило, не обладая высоким интеллектом, они, тем не менее, приобретают неплохой оклад и фактическую безнаказанность за притеснение и даже мелкое обирание обычных граждан, тем более что жизни подавляющего большинства этих субъектов в мирное время ничего не угрожает.

За приобретение подобных преимуществ они согласны терпеть все выходки своего, как правило, недалекого, грубого, но хитрого начальства.

Отдав себя этому довольно унижительному занятию, не

требующему особых размышлений, они после службы бредут на свои плодово-ягодные участки, дома или квартиры с радостным чувством избавления хотя бы на некоторое время от неусыпного ока большей частью болванов-начальников для игры в поддавки, полив огорода, выпивки и закуски, а также пререканий с женой, вечно недовольной их карьерным ростом.

Чтение литературы и другие интеллектуальные занятия для большинства из них недоступны из-за быстрого «усыхания» мозгов вследствие специфики службы, не требующей рефлексии, поскольку есть устав и инструкции.

Больше всего они боятся своих непосредственных начальников, которые при малейшем неповиновении могут лишить их столь выгодной работы при, как правило, довольно жалком интеллекте.

Устранить этот страх во время службы они не в состоянии – поэтому часто злоупотребляют алкоголем для отвлечения от него хотя бы на какое-то время.

Помочь им избавиться от этого страха может только его замена на страх обывателя вследствие близости уровней их сознания, что и происходит в случае отставки или при выходе на пенсию.

Примеры в этом разделе не нужны, так как каждый знает устройство армии и правоохранительных органов, где господствует чиновничество, а не таланты.

Служители культа, выполняющие в рабочее время функции духовных психологов-утешителей паствы, и вместе с тем являющиеся ничем иным, как прислужниками власть предержащих, утверждают, что отдают себя служению Богу, о котором они на самом деле не знают ничего, поскольку он по их же собственным догмам недоступен этому миру.

А это означает либо обман, либо самообман, что свидетельствует о преобладании у них низшего сознания, склонного к получению благ просто так, а не по результатам тяжелого труда, который они неизменно стараются заменить легким, хотя и сомнительным.

Всё это указывает на значительное ослабление у них самосознания, вследствие чего они отдают себя некоему постороннему, выдуманному, а не существу и действительному, ведя благополучное существование и являясь для многих к тому же весьма уважаемыми персонами за свое служение.

Но это служение Богу, за исключением фанатиков, у них неискреннее, и поэтому в свое свободное время они неизменно поддаются мирским соблазнам, например, интригам, пошлым развлечениям втайне, или, в лучшем случае, хлопотам в саду и огороде.

Более всего подавляющая часть этих служителей бога страшится показать эту неискренность собственной пастве, которая может их просто уничтожить, как это случилось во Франции после революции конца XVIII и в России после 1917 года. Поэтому они являются самыми искусными лице-

мерами и обманщиками даже в сравнении с мошенниками.

Именно в связи с этим они носят странные одеяния, напускают на себя благожелательный вид и мудрое выражение физиономии, поют псалмы, читают долгие проповеди и всё время ссылаются на священное писание, сотворенное на самом более ранних проходимцами того же типа для охмурения населения, которое они якобы приобщают к высшим силам для будущего райского блаженства, хотя сами, являясь отнюдь не глупыми, не верят ни в рай, ни в ад, торгуют свечками и прочими предметами культа, и живут себе припеваючи.

В этом разделе примеры так же не обязательны, поскольку все знают из истории, что творили Папы Римские, среди которых затесалась даже женщина, и которые докатились до торговли индульгенциями, снимая за деньги грехи с прихожан. Мало чем от них отличались и остальные служителя культа в разных странах мира.

XV

Криминалитет и различного рода люмпены, в частности, хронические безработные, босяки, профессиональные нищие, имеют такой крен с сторону низшего сознания, что у них практически остается только воспоминание о высшем сознании.

Иначе говоря, у них остаются только немногочисленные формальные связи с обществом. По этой причине они как бы возвращаются на уровень животных, точнее, – на уровень

ощущений. Им не интересна ни общественная жизнь, ни богатство, ни власть – ничего.

Добыв вдруг деньги, они их тут же пропивают или прогуливают, свои голоса избирателей они продают кому угодно, при удобном случае они способны убить и ограбить просто так, и в этом отношении они даже хуже животных.

Основные соображения в их сознании концентрируются на процессах: выпить, закусить, погулять и приятно для себя нагадить ближнему.

Поэтому главный их страх, как и у животных, состоит в перспективе лишения приятных ощущений, а о смерти они и не думают, полагая, что главное – это использование всех возможностей для потребления доступных ощущений за счет глупого общества, которое их отчасти содержит и жалует.

Русский писатель Максим Горький, находившийся одно время в их неприятном обществе, в своей пьесе «На дне» описал люмпенов так.

Только получение более-менее приятных ощущений – большего он и представить не способен – заставляет даже на самом дне жизни содержателя ночлежки выжимать из своих ничтожных постояльцев все оставшиеся у них соки, отнимая «последнюю копейку». Он скупает краденые вещи, бьет свою жену и ее сестру, и в итоге погибает в драке.

Его жена, умная, жестокая, бездушная и развратная и предлагает своему любовнику избавить ее от надоевшего му-

жа.

Молодая сестра жены содержателя ночлежки терпит все издевательства над собой, но после гибели содержателя ночлежки оказывается в больнице при смерти, а потом пропадает без вести.

Все они не находят в себе сил выбраться уровня из этого болота из-за катастрофического падения уровня осознания себя в качестве личностей, уважаемых самими собой и другими. Вместе с тем они не отказываются от потребления предоставленных им сомнительных ощущений и страшатся их утратить.

XVI

Но, возможно, самыми гадкими являются рантье.

Эти отнюдь неглупые бездельники – большей частью выходцы из близких к власти слоев общества, которые категорически не хотят нигде работать при имеющемся капитале, – приятно разлагаясь с разной скоростью, живут на проценты со своего капитала.

Рантье отличаются от люмпенов только представлением о собственной ценности в своем ничтожном самосознании, связывая ее, правда, не со своими заслугами, которых уже нет или не было, а с обладанием финансовых или иных средств, что вынуждает их всячески заботиться о сбережении капитала, превращаясь в люмпенов с его потерей.

Именно заботы о сохранении капитала и мысль об ужасном крахе всей своей паразитической жизни с его потерей

делают их существование, заполненное всевозможными развлечениями. вместе с тем столь тревожным и беспокойным, что все для них становится не мило.

Но этот вечный страх они, как истинные и сознательные паразиты, предпочитают любым видам трудовой деятельности, проводя жизнь при соответствующих средствах в перемещении с одного курорта на другой, из одного поместья или отеля в другие, от одного приятного времяпровождения к другому, но непременно скучая при этом, и превращая собственную жизнь в обычный морок, в котором даже их лица стираются, трансформируясь в бессмысленные маски.

Некоторые биологи-эволюционисты, в частности, Савельев С. А. (книга «Церебральный сортинг»). считают такой катастрофический финал закономерным, констатируя следующее: «... человечество уже создало совершенные способы поведенческого отбора, которые разрушат наше сознание и уничтожат следы разума без всяких дополнительных усилий» [10].

Естественно, это утверждение слишком сильное, так как сознание, раз без него всё омертвляется, неуничтожимо в бытии, в отличие от человека и его цивилизации, но тем не менее, факт деградации значительной части населения налицо, и она, по-видимому, будет только нарастать для обывателей и близких им страт в первую очередь вследствие неразвитости их самосознания, согласного всего лишь на сытую и беспроблемную жизнь.

Однако поведенческому отбору, связанному только с животным сознанием, противодействует как в обществе, так и в каждом человеке неуничтожимое самосознание, которое не позволит вернуться в животный мир, но, как это ни парадоксально, уплотнение текущего времени благодаря действию самосознания, уничтожит цивилизацию, точнее, приведет ее к обновлению, состоящему из двух возможных форм – равновесной цивилизации и технологической цивилизации.

Подробнее об уплотнении времени и регулярно проявляющихся на всех обитаемых планетах формах цивилизации можно прочесть в наших работах: «Чудеса в решетке» [11, главы 4,5] и «К чему привело и приведет осознание себя?» [7, часть 3, раздел 5].

Грядущее и скорое обновление текущей цивилизации означает, что осознании данного факта населением планеты автоматически принесет самый главный страх этому населению из-за краха вообще всего общественного уклада.

Библиография

1. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 4 тома. СПб. 1880-82гг.
2. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. Москва. 1971.
3. Захаров А. И. Дневные и ночные страхи у детей. СПб. Союз. 2000.

4. Изард К. Э. Теория дифференциальных эмоций. «Психология эмоций» (The Psychology of Emotions). Питер. 2007.
5. Изард К. Э. Страх и тревога. «Психология эмоций» (The Psychology of Emotions). Питер. 2007.
6. Сёрен Кьеркегор. Страх и трепет. М., «Республика», 1993.
7. Низовцев Ю. М. Сборник «Всё наоборот. Ответы на каверзные вопросы об интересном». 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.litres.ru
8. Низовцев Ю. М. Сборник «Открой глаза свои». 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.litres.ru
9. Низовцев Ю. М. Сборник «Всё не так!? А как?!». 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.litres.ru
10. Савельев С. А. Церебральный сортинг. Издательство: ВЕДИ. 2016.
11. Низовцев Ю. М. Чудеса в решетке. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.litres.ru

2. Из какого теста лепится герой?

Содержание

Введение.

1. Попытки определения природы героизма мыслителями разных эпох.
2. Реальные истоки героизма.

3. Примеры основных типов героев.

3.1. Герои общего блага.

3.1.1. Народные герои (альтруисты).

3.1.2. Герои идеи.

3.2. Герои с претензией на роль сверхчеловека (антигерои).

4. Лжегерои.

Заключение.

Введение

В качестве основы героизма почти все его исследователи выдвигают, как ни странно, довольно поверхностные (внешние) характеристики героев, которые, к тому же, явно недостаточны.

Одни провозглашают его связь с космосом, другие полагают, что основа героизма интеллектуальна, третьи думают, что сущность героизма – это харизма, четвертые указывают на мощную волю как истинную суть героизма, пятые открывают природу героизма в подвижничестве героев и т. д.

Если присмотреться повнимательнее к этим утверждениям, то видно, что, практически, все они в лучшем случае имеют отношение к отдельным проявлениям героизма.

Тем не менее, имеет смысл для большей ясности рассмотреть вкратце соображения наиболее известных исследователей о природе героизма, а также некоторые характеристики

героев, упомянутые ими, для последующего анализа и критики.

Но сначала скажем несколько слов о генезисе героизма.

Само понятие героизма довольно-таки сильно расширилось и изменилось со времен античности до нынешнего времени.

В древности между племенами и этносами шла перманентная война за ресурсы и выживание, завершавшаяся иногда полным их уничтожением.

Естественно, во избежание гибели и в целях сохранения завоеванного использовались все имеющиеся средства, в том числе сила, отвага, самоотверженность, бесстрашие, способность воодушевлять и вести за собой отдельных представителей племен и народов.

Таковы были основные приметы героев того времени.

С развитием культуры и продвижением цивилизации по пути прогресса расширились возможности проявления человеческого духа (самосознания).

Наука и техника в своем развитии сформировали понятие истины, поиск которой проводился путем познания окружающего как с помощью экспериментов, так и путем созерцания, размышлений, логического анализа и интуиции.

Возникновение морали и монотеизма привело к смягчению нравов: появились идеи милосердия, благотворительности, равенства всех людей перед Богом, а затем и перед законом.

Поэтому к военному в основном героизму древних времен естественным образом добавилось стремление отдельных личностей, несмотря ни на что, к истине, как они ее понимали, а также к устройению более справедливых общественных отношений, при которых вражда между людьми, по крайней мере, должна уменьшиться, а имеющиеся блага будут распределяться более-менее равномерно, но с учетом заслуг каждого.

Новое поле деятельности вызвало к жизни героев другого типа. Они стремились, несмотря на все препятствия в лице господствующих нравов и жестких церковных установлений, доказывать свою правоту как в иных идеях по сравнению с традиционными взглядами, в частности, на строение мироздания – Джордано Бруно, сожженный на костре, – так и в предложениях по новой организации общества – Томмазо Кампанелла с его «Городом солнца», подвергнутый пыткам и просидевший 27 лет в тюрьмах.

Промышленная революция, вызвавшая появление буржуазии и пролетариата привела к распаду феодального общества, росту национальной борьбы, образованию новых по структуре государств и, соответственно, тоже к появлению героев иного типа по сравнению с предшествовавшими.

Это были революционеры, желающие кардинального переустройства общества разными способами, но с одним результатом – оно должно быть справедливым и без всякого угнетения одним человеком другого. Революционеры пола-

гали, что именно в этом состоит их общественная польза (Бакунин). Другая часть революционеров стала во главе борьбы за национальное освобождение от гнета колонизаторов (Симон Боливар в Южной Америке) и образование самостоятельных государств (Джузеппе Гарибальди в Италии).

В частности, героизм борцов за уничтожение буржуазного строя заключался в том, что, полагая реформаторские средства изменения общества не действенными, они пытались разрешить накопившиеся противоречия самыми радикальными средствами, которые требовали от них самопожертвования, мужества, стойкости, бесстрашия, бескорыстия, преданности идеалам справедливости и вместе с тем ответственности, а также способности повести за собой колеблющихся на борьбу с угнетателями (Роза Люксембург, Нестор Махно, Че Гевара).

Как правило, истинно бескорыстные герои-борцы за всеобщее благо терпят личное поражение – их убивают или отстраняют от дел в нашем прагматичном мире, далеком от их идеалистических порывов. Тем не менее, они своими безрассудными стремлениями разрушают косные представления о жизни, своим примером пробуждают в людях страсть к изменениям, поиску истины и справедливости, не дают обществу погрузиться в болото стагнации и потребления.

Кроме народных героев – борцов за счастье трудящихся, таких, например, как Махатма Ганди, Сунь Ятсен, Хосе Мария Пино Суарес, появились и такие идейные борцы-герои за

счастье народов, как Марат, Максимилиан Робеспьер, Петр Кропоткин, Владимир Ленин и Адольф Гитлер, которые понимали это счастье весьма специфически.

В частности, оба последних идейных и вполне искренних борцов за всеобщее благо имели свое и весьма оригинальным пониманием счастья человечества: Ленин предлагал устроить бесклассовое справедливое общество для всех, насильно заставив всех следовать этой идее, а Гитлер желал устранить из общества всех, на его взгляд, неполноценных, которые не должны мешать развитию лучших (арийцев), заставив остальных прислуживать полноценным. Оба они потерпели поражение. Так же не повезло и народам, которые поддались этим привлекательным лозунгам и обаянию обоих довольно-таки самоотверженных борцов за счастье людей.

Таким образом, существует нескольких типов героев-борцов за благо, счастье и спасение как всего человечества, так и отдельных этносов и людей: борцы с угнетателями простых тружеников и прочие радители общего блага и счастья; ситуативные герои, бросающиеся в едином порыве сугубо добровольно в минуту опасности с риском для жизни спасать людей на пожаре, вступающие в смертельные схватки на войне в защиту отечества, бросающие вызов любой несправедливости без тени сомнения и не взирая на опасность; а также идейные герои, находящихся в плену не вполне адекватных идей или даже ложных концепций, но искренне убежденные

в их правоте. Все они, конечно, более или менее, но относят себя к альтруистам.

Тем не менее, существуют и герои иного плана. Их можно назвать, скорее, героями-эгоцентристами, или антигероями из-за присутствия некоторых особенностей, а также отсутствия определенных черт у этих личностей по сравнению с героями общего блага. К таковым относятся презрение к людям, гордость собой, которых нет у героев-альтруистов, и отсутствие ответственности перед обществом, которая присуща героям общего блага, хотя те и другие бескорыстны в своих намерениях, жертвенны, бесстрашны, вполне сознают свое предназначение и преданны обретенным идеям.

Надо полагать, что все эти свойства личностей героев не возникают сами по себе, иначе герои встречались бы на каждом шагу, а все они наперечет за всю историю человечества, но вместе с тем в критические периоды истории (война за спасение отчизны, революция, восстание), кроме отдельных знаменосцев – великих героев, проявляется и массовый героизм вроде бы обычных при нормальной жизни людей.

Значит, существует всё же какая-то иная основа героизма, а не просто указанные его исследователями чисто внешние черты личностей героев.

Если вернуться к антигероям, то эти персоны, столь же бесстрашные, бескорыстные, волевые, обаятельные, стойкие, доблестные, стремящиеся преодолеть любые трудности и опасности без тени сомнения, как и герои-альтруисты,

играют своей жизнью не ради общественного блага, а преследуют собственные цели, которые редко совпадают с интересами общества, но зато возвышают их в собственных глазах, и, как они полагают, в глазах окружающих, бравируя своим интеллектом, харизмой и обаянием, хотя они относятся к обычным людям с презрением, считая их лишь орудиями для реализации своих грандиозных замыслов.

Они используют любые средства для достижения поставленных целей, основной из которых является не просто власть и совсем не материальная польза, а достижение величия, которое обеспечит их вхождение в историю в качестве деятелей, переменивших мир. К этой цели они стремятся, не обращая внимание на потери. В этом герои-эгоцентристы вполне сходятся с героями идеи, которые также не считаются с числом жертв, но только в борьбе за народное счастье, а не за собственное величие.

Тем не менее, им удастся завоевать значительную поддержку народных масс благодаря четко и заманчиво сформулированным лозунгам и обещаниям о грядущих значительных переменах к лучшему.

Каждый из этих эгоцентричных героев презирует толпу и считает себя выше нее не только благодаря своему незаурядному интеллекту, определенным талантам, но и готовностью пожертвовать собственной жизнью для достижения искомого величия и расширения собственного влияния на народы до безграничных пределов, на чем они в итоге не просто спо-

тыкаются. а приходят к полному провалу (Чезаре Борджиа, Лев Троцкий).

Признав себя уникамом, готовым к великим свершениям, эти антигерои, используют ресурсы общества не для улучшения благосостояния народа, а лишь для достижения поставленных целей и подтверждения своей исключительности, но его мечтания всегда заканчиваются крахом, если даже вначале дела героя идут неплохо. Крушение надежд героя-эгоцентриста происходит тогда, когда его последователи раскрывают обман, и он лишается не только сочувствия тех или иных слоев населения, но и поддержки соратников, так же осознавших иллюзорность поставленных героем целей.

Эти герои с претензией на роль сверхчеловека верят в свою исключительность, отвергают сложившуюся мораль и систему ценностей, и тем самым представляют серьезную опасность для любого сообщества в силу своей харизмы. мощи, беспощадности, бесстрашия и безответственности. Они создают собственные нормы и правила, являющиеся типичным плодом волюнтаризма, и способны в поисках собственного «грааля» увлечь за собой в пропасть немало соплеменников (русский нигилист и революционер Сергей Нечаев и русский социалист-революционер Борис Савинков).

Если есть герои, то в любом случае имеются и ложные подвиги им.

Эти обманчивые герои могут быть смелыми, зовущими на борьбу с несправедливостью, обладать незаурядным

умом, многими талантами, великолепными организаторскими способностями, коммуникабельностью, энергией, доблестью. Но в основе всего этого лежит отнюдь не жертвенность и бескорыстие, а стремление к приятной и комфортной жизни, желание славы, богатства и власти, в том числе и для того, чтобы относиться к не достигшим этих «благ» с презрением, выделяя себя в некую элиту знаменитостей.

Как правило, такие лжегерои являются плодом властных элит всех государств, которые наделяют их немислимыми достоинствами, ставят им памятники и приводят в пример в исторических хрониках (Цезарь, Наполеон, Черчилль и многие другие полководцы, императоры, президенты, министры).

Во властной элите общества любого государства преобладают отнюдь не высшее сознание, характеризующееся высоким уровнем осознания себя как самоценной личности с чувством собственного достоинства.

Низкий уровень самосознания этой элиты, допускающий негативные особенности, указанные выше, приводит к господству в ней природного (животного) сознания, для которого главными свойствами являются неудовлетворенность занимаемым местом в сообществе и чувство самосохранения, обеспечивающие стремление членов властной элиты в любом случае не утратить потребление ощущений, желательного наиболее приятных, за счет всех остальных, на которых представителям элиты наплевать, но всё же они понимают,

что лишившись или уничтожив этот жалкий, по их мнению, народец, они лишатся основы собственного существования, и вынуждены, скрипя сердце, как-то с ним взаимодействовать.

Таково, судя по отмеченным целям и особенностям проявления сознания, распределение героев на две основные группы, не забывая, конечно, и ситуативных героев, массово проявляющих себя при различного рода катастрофах и происшествиях, спасая с риском для жизни кого-то или чего-то.

Однако, большей частью, истинные герои не интересуют власть имущих. Они всегда прославляли защитников своей касты угнетателей, хищников и паразитов, которые к тому же устраивали геноцид покоренных или покоряемых народов, а иногда и собственных граждан (Цезарь, Тамерлан, Наполеон, Черчилль).

1. Попытки определения природы героизма мыслителями разных эпох.

Проблема природы героизма в силу важности, как предполагается, этого явления для развития общества привлекла целый ряд известных мыслителей к ее разрешению.

Итальянский просветитель, поэт, ученый и философ Джордано Бруно первым попытался детально проанализировать проблему героизма в отдельной фундаментальной работе «О героическом энтузиазме» еще в эпоху Возрождения.

Он вполне адекватно выявил основные особенности героя по сравнению с остальными индивидами.

Бруно отметил жертвенность героя в ходе преодоления препятствий и перенесении страданий, отсутствие боязни смерти и боли: «... героически действуют так, что уже не воспринимаешь боязни смерти и не переживаешь боли тела... ... погашают все страдания, которые могли бы произойти от какого-либо сомнения, горя и печали» [1. Часть вторая. Диалог первый].

Мало того, герой способен обращать врагов в друзей своим высоким порывом, смелостью, стремлением действовать во благо народа и своим бескорытием, а беды превращать в победы: «... для людей героического духа всё обращается во благо, и они умеют использовать плен как плод большой свободы. А поражение превратить иной раз в высокую победу» [там же. Часть вторая. Диалог первый].

Герой, по мнению Бруно, не может тратить время на всякие пустяки в силу своего предназначения, которое он прекрасно понимает: «Очень важно, конечно, что время, которого может не хватить нам на необходимое дело, как бы внимательно мы это время ни берегли, большей частью затрачивается на вещи поверхностные, то есть низкие и постыдные» [1. Часть вторая. Диалог второй].

Герой также не подчиняет себя воле рока или только страстям, а стремится к прекрасному, опираясь на силу разума: «... не воспарение под властью недостойного рока в тенетах

звериных страстей, но разумный порыв, идущий вслед за умственным восприятием хорошего и красивого и знающий, к чему следовало бы приспособляться в наслаждении...» [1. Часть вторая. Диалог третий]. Он не стремится к панибратству с толпой, поскольку понимает ее пороки и невежество. «Так как мысль устремляется к божественному сиянию, то она избегает общения с толпой, отходит от общепринятых мнений; она, говоря я, не только и не столько отдаляется от массы людей, сколько от общности их усилий, мнений и высказываний. Ведь опасность перенять пороки и невежество тем больше, чем больше народу, с которым вступаешь в общение...» [1. Часть вторая. Диалог первый].

Герой неизменно находится в поисках истины, не отступая от обретенных идеалов, пренебрегая усталостью и кажущейся недостижимостью поставленных целей: «... мысль, которая стремится к высокому, прежде всего покидает заботу о толпе, принимая во внимание, что светоч пренебрегает усталостью и обретается лишь там, где есть истинное понимание, а не там, где имеется любое понимание, истинное же понимание то, которое является у немногих, главных и первых, и само является первым, главным и единственным» [1. Часть вторая. Диалог первый]. «... если кто ищет истинное, тот должен подняться выше мыслей о телесных вещах» [1. Часть вторая. Диалог второй].

Точность и вполне адекватный охват особенностей героя, которые действительно дают практически полную характе-

ристику героя, вряд ли можно подвергнуть сомнению, за исключением того, что эта характеристика имеет отношение к героям общего блага (альтруистичного типа), а не эгоцентричным героям, которых общественное благо мало интересует, а больше привлекает выпячивание собственной значимости по сравнению с толпой, и только во вторую – власть и слава. Высокая оценка самого себя должна быть подтверждена соответствующими поступками, на которые не способна, как считает эгоцентричный герой, серая масса. Эти поступки могут быть не вполне адекватными, но главное не это, а подтверждение ими собственной исключительности, ради чего этот герой может пожертвовать как собой, так и человеческими жизнями, которые он не ценит вовсе.

Бруно также попытался выяснить природу героизма, которая, по его мнению, состоит в проявлении в героях божественного плана спасения людей через их интеллект и волю: «Подъем происходит в душе от способности и толчка крыльев, то есть от интеллекта и интеллектуальной воли, посредством которых она, естественно, настраивается и стремится к богу как высочайшему благу и первой истине, абсолютной доброте и красоте» [1. Часть вторая. Диалог первый].

Тут Бруно допускает две ошибки.

Первая состоит в том, что интеллект и провиденциальность, которые он полагает природой, или сущностью героизма, вряд ли могут быть ею, так как герои не всегда умны и не всё время действуют в соответствии с промыслом Божиим.

Вторая его ошибка заключается в представлении следствий в качестве сущности героизма. Герой, действительно, может опираться на свой интеллект и следовать, например, заветам Христа, но им же следуют многие из остальных людей, вовсе не героев. Иначе говоря, Бруно принимает за сущность героизма его некоторые проявления.

Британский писатель, историк и философ Томас Карлейль, как и Бруно, делает аналогичную ошибку, полагая интеллектуальность природой героизма. Более того, он проповедует культ героев: «... всемирная история, история того, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности, история великих людей, потрудившихся здесь, на земле. Они, эти великие люди, были вождями человечества, воспитателями, образцами и, в широком смысле, творцами всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить то, чего она хотела достигнуть. Всё, содеянное в этом мире, представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежавших великим людям, посланным в наш мир» [2, с. 7].

Исходя из своей ложной концепции сущности героизма как интеллектуализма, Карлейль делает следующую ошибку, утверждая, что повышением интеллектуального уровня, то есть воспитанием и образованием на примерах великих людей, можно любого человека сделать героем: «Полный мир героев вместо целого мира глупцов... – вот чего мы добива-

емся! Мы со своей стороны отбросим всё низкое и лживое; тогда мы можем надеяться, что нами будет управлять благородство и правда, но не раньше... Ты и я, друг мой, можем в этом отменно глупом свете быть, каждый из нас, не глупцом, а героем, если захотим» [3, с. 38-39].

Эти фрагменты также указывают на то, что Карлейль, обобщая чрезмерно, путает героев с великими людьми (вождями, пророками).

Ниже мы покажем на примерах, что герои могут быть различными – не только благородными и высокоинтеллектуальными – в зависимости от различий в содержании их сознания.

К тому же, полностью уничтожить «низкое и лживое», а также глупость, не удалось ни в одном человеке, но, несмотря на это, герои всё время появляются из в общем-то несовершенных людей, но не благодаря воспитанию и интеллекту, а в определенные периоды истории, имея соответствующую базу для проявления своих героических качеств, причем незначительное число героев за всю историю цивилизации указывает на то, что сделать всех героями пока не получилось, и не получится, судя по содержанию сознания каждого человека, о чем будет сказано ниже.

Дэвид Юм и Фридрих Ницше, так же как Бруно и Карлейль, в своей попытке определить сущность феномена героизма, увы, обратили внимание на чисто внешние его признаки.

Юм констатировал, что в основе героизма лежит гордость и самоуважение: «Всё, что мы называем героической доблестью и чем восхищаемся как величием и возвышенностью духа, есть не что иное, как спокойная и твердо обоснованная гордость и самоуважение...» [4, с. 416].

Ницше к этой характеристике героев добавил волю, отсутствие страха смерти и непрерывное следование поставленной цели, которая согласуется с их обязательным стремлением к величию: «Героизм – таково настроение человека, стремящегося к цели, помимо которой он вообще уже не идет в счет. Героизм – это добрая воля к абсолютной самопогибели... Что до героя, я не столь уж хорошего мнения о нем – и всё-таки: он – наиболее приемлемая природа существования, в особенности, когда нет другого выбора... Люди, стремящиеся к величию, суть обыкновенно злые люди: таков их единственный способ выносить самих себя» [5, с. 725-726].

Естественно, стремление к величию, которое предполагаемый герой Ницше не соизмеряет с собственными силами всего лишь смертного человека, заводит его настолько далеко, что он начинает мнить себя сверхчеловеком, и неизменно терпит крах, хотя сам Ницше был другого мнения: он видел в этом превращении смысл существования человечества: «Сверхчеловек – смысл земли [там же, с. 8]... он (человек) есть переход и гибель... Как превзойти человека?»... К сверхчеловеку лежит сердце мое, он для меня первое и един-

ственное [там же, с. 207]... Чем свободнее и сильнее индивидуум, тем взыскательнее становится его любовь; наконец, он жаждет стать сверхчеловеком, ибо всё прочее не утоляет его любви» [там же, с. 728].

Делает сверхчеловека таковым, по мнению Ницше, преимущественно воля к власти, без которой невозможно развитие: «Но где бы не находил я живое, везде слышал я и речь о послушании. Всё живое есть нечто повинующееся... Чтобы сильнейшему служил более слабый – к этому побуждает воля его, которая хочет быть господином над еще более слабым: лишь без этой радости не может он обойтись... Только там, где есть жизнь, есть и воля, но это не воля к жизни, но – так учу я – воля к власти!» [там же, с. 82-83].

Но не обойтись сверхчеловеку, как полагает Ф. Ницше, и без воли к жизни, инстинктов, внутренней воли, или «хотения», а также без воли страстей и влечений: «... тело твое с его большим разумом: оно не говорит Я, но делает Я... Орудием и игрушкой являются чувство и ум: за ними лежит еще Само. Само ищет также глазами чувств, оно прислушивается также ушами духа... оно сравнивает, подчиняет, завоевывает, разрушает... Больше разума в твоём теле, чем в твоей высшей мудрости... Само говорит к Я: Здесь чувствуй радость!.. некогда были у тебя страсти, и ты называл их злыми. А теперь у тебя только твои добродетели: они выросли из твоих страстей» [там же, с. 24-26].

Однако, воля к жизни и инстинкты присущи любому жи-

вому организму.

Внутренняя воля, или «хотение» принадлежит в наиболее концентрированном виде хищнику.

Волю страстей и влечений нельзя не отнести к любому человеку, но, конечно, в разной степени.

Воля к мощи, точнее, к власти, выражающаяся, согласно Ницше, в стремлении подчинять себе другого, на самом деле есть свойство доминирования, присущее любому живому организму, который всегда стремится создать для себя более удобные условия существования.

Наиболее ярко выражено данное свойство у вожаков стай, например, – альфа-самцов обезьян. Собственно, в первую очередь, благодаря ему, а не силе, уму или хитрости, которые можно найти в помощниках, существо становится вожаком.

Таким образом, сверхчеловек Ницше— это, вопреки его желанию, не «полусвятой», не «полу-гений», не «творец», направляющий историческое развитие в нужную ему сторону, не экстремал, «поглощающий» жизнь в ее крайних проявлениях, превзошедший человека настолько, насколько тот превзошел обезьяну, а это – всего лишь копия обезьяньего альфа-самца в человеческом обличье, то есть несколько окультуренном.

Возможно, Ницше и желал появления более благородного высшего человека в будущем, но, увы, наши желания не всегда совпадают с действительностью, и сверхчеловек Ницше оказывается, судя по приведенным высказываниям вы-

ше, не благородным, сверхумным и сверхчувствительным существом будущего, для которого обычный человек является лишь переходной стадией от животного, а всего лишь эгоцентриком с обостренным желанием доминировать.

Тем самым, Ницше не смог адекватно определить природу героизма, отметив лишь некоторые особенности героя, но он показал, что кроме героев-альтруистов, которым свойственна ответственность за собственные действия во благо общества, существуют и герои, хотя и бескорыстные и жертвенные, как и герои-альтруисты, но безответственные, и стремящиеся обозначить своими поступками перед всеми собственную гениальность, непредсказуемость, могучую волю, способность сопротивляться любым силам и, тем самым, собственное величие и гигантский отрыв от покорного судьбе населения.

Подобных эгоцентричных героев можно назвать и анти-героями, поскольку им чужда забота об общественном благе, хотя их нельзя отнести просто к сильным личностям или лидерам, просто старающихся подняться выше в иерархии общества.

Даже самые доблестные из сильных личностей отнюдь не героичны. Ларошфуко так охарактеризовал их: «Стремление к славе, боязнь позора, погоня за богатством, жажда устроить жизнь как можно более удобно и приятно, стремление унижить других – вот, что зачастую лежит в основе доблести, так восхваляемой людьми» [6, с. 306].

Антигерои, вследствие того что ставят себя над обществом как полубоги, презирают его членов за повсеместный утилитаризм, мелочность, боязнь смерти, религиозные и бытовые предрассудки, обладая, тем не менее, в отличие от обычных и даже выдающихся личностей, не только бесстрашием, стойкостью, мужеством, смелостью, но и бескорыстием, хотя, в отличие от героев-альтруистов, эгоцентричные герои не имеют стимула к самопожертвованию ради интересов общества, но могут сделать это ради демонстрации собственного превосходства над толпой, у них отсутствует ответственность перед обществом, так как они не заботятся о благоденствии для всех, считая за истинное благо стремление к недостижимому, что доступно избранным, а не толпе, которая только и желает находиться у хорошей кормушки.

Сам Ницше так обозначил различие между сверхчеловеком-героем и альтруистичным идеалистом: «Противоположностью героического идеала является идеал гармонической всеразвитости – прекрасная противоположность и весьма желательная! Но идеал этот действителен лишь для добротных людей» [5, с. 725].

Но все исторические хроники ставят акцент не на героях-альтруистах или героях-эгоцентристах, и не на довольно многочисленных ситуативных героях, проявляющихся в различных пограничных ситуациях – войны, наводнения, пожары, конфликты и т. п., а эти хроники описывают подвиги и бытие якобы героических императоров, королей, полковод-

цев, реформаторов, религиозных лидеров и т. п., которые в лучшем случае оказываются в той или иной мере полезными для общества деятелями, а большей частью, отнюдь не героями, а фальшивым их подобием, которых так ярко и справедливо охарактеризовал Ларошфуко (см. выше).

Немецкий историк, философ и социолог Макс Вебер видел сущность героизма в харизме: «Харизма в большинстве случаев возникает в экстремальных исторических условиях, когда возникает соответствующая социально-психологическая необходимость. Качества харизматического лидера, действующего на религиозном или социально-политическом поле, в некоторых случаях мистифицируются. Его считают пророком, избранным, величайшей исторической особой, избавителем, полубогом, осуществляющим великую миссию, которой причисляются все успехи его сторонников и последователей. Даже очевидные неудачи оборачиваются его прославлением (бегство расценивается как спасение, любые потери – как обязательные жертвы или козни врагов, нелепые утверждения – как непостижимая мудрость» [7, р. 308].

Вебер считал, что харизматическое господство, в том числе и героизм в целом, противостоит другим типам господства, поскольку выделяется самоотдачей, противопоставлением рутине [8, р. 263].

Если понимать под харизмой (по-гречески «милость») авторитет, коммуникабельность, способность убеждать толпу

в необходимости достижения поставленной цели, то Вебер полагает, что это свойство лежит в основе как господства, так и героизма.

Подобный взгляд Вебера на данную проблему вытекает из его общего подхода к решению проблем социологии.

Он трактует любое действие человека в социуме как субъективные отношения между индивидами, основывающиеся на понимании смыслов и целей, которыми обуславливаются их действия, то есть понимая некое событие [8, chapter 1].

Такой подход к решению многосторонней проблемы героизма вполне естественно приводит Вебера к выделению в качестве сущности героизма одного из его чисто внешних проявлений, хотя и одного из самых впечатляющих по воздействию на толпу.

Ошибочность такого подхода просматривается из того, что харизма присуща многим личностям, которых невозможно отнести к героям (Тимур, Мао Цзедун, Петр Великий), хотя внешне они могут походить на них, поскольку обладают многими свойствами героев, в том числе и харизмой, но, в отличие от истинных героев у них отсутствуют такие признаки, как бескорыстие и жертвенность, а присутствуют властолюбие и честолюбие.

Поэтому Вебер по адекватности определения природы героизма оказывается так же далек, как и его предшественники.

В свою очередь, русский философ Сергей Булгаков пред-

ставлял сущность героизма совершенно иначе по сравнению с упомянутыми выше мыслителями: «Героизм стремится к спасению человечества своими силами и притом внешними средствами; отсюда исключительная оценка героических деяний, в максимальной степени воплощающих программу максимализма. Нужно что-то сдвинуть, совершить что-то свыше сил, отдать при этом самое дорогое, свою жизнь, – такова заповедь героизма. Стать героем, а вместе и спасителем человечества можно героическим деянием, далеко выходящим за пределы обыденного долга. Эта мечта, живущая в интеллигентской душе, хотя выполнима лишь для единиц, служит общим масштабом в суждениях, критерием для жизненных оценок. Совершить такое деяние и необыкновенно трудно, ибо требует побороть сильнейшие инстинкты привязанности к жизни и страха, и необыкновенно просто, ибо для этого требуется волевое усилие на коротких сравнительно период времени, а подразумеваемые или ожидаемые результаты считаются так велики» [9].

Булгаков полагал, что роль героя, которую он видел в спасении человечества, должны выполнять представители интеллигенции, как наиболее образованные и культурные члены общества, отметив при этом, что героем могут быть немногие, так как героизм, в частности, «требует побороть сильнейшие инстинкты привязанности к жизни и страха». Поэтому Булгаков обращается ко всем интеллигентам, делая довольно прозрачный намек на то, что только массовым

вовлечением в совершение необыкновенных деяний (максимализм) можно выделить из этого культурного слоя истинных героев, что он обозначил в заглавии своей статьи как подвижничество.

Конечно, Булгаков прав в том, что на роль немногих героев-альтруистов – он имеет в виду только их – годятся персоны, понимающие что надо делать для спасения человечества, то есть в достаточной степени образованные и неглупые, и вместе с тем обладающие качествами жертвенности, ответственности и бесстрашия.

Однако спасать можно и нужно не только человечество, и, стало быть, не только представители интеллигенции могут обеспечить, например, массовый героизм во времена различных катаклизмов.

Булгаков также не определил другие типы героев, кроме альтруистов, и значит, для него осталась тайной сущность героизма, точно так же, как и для уже приведенных выше мыслителей, поскольку все они ограничились в своих попытках найти природу героизма только во внешних проявлениях сознания, таких, как сильная воля, жертвенность, бескорыстие, самоуважение, харизма, интеллект, гордость и т. д.

Современная психология в лице Владимира Шадрикова, выделяя такие проявления сознания человека, как жертвенность и эгоизм, определяет природу героизма как победу жертвенности над эгоизмом, на которую способны немногие: «Сознательная жертвенность во имя других, как правило,

членов своего рода, и стоит у истоков духовности. Героизм стоит у истоков духовности. И принципиально важно здесь не то, что человек приносит себя в жертву во имя рода, а то, что он делает это сознательно. И жертвенность теперь становится доступной для каждого. Каждый может возвыситься до духовного поступка, но не каждый возвышается. Сознание, возвышая человека, одновременно и обостряет его эгоизм, объединяясь с инстинктом сохранения индивиды (сохранения жизни). Формируется ситуация борьбы мотивов: жертвовать собой во имя других или спасти себя. Поэтизация героических поступков, закрепление их в мифах и преданиях способствует формированию духовности (героизм и жертвенность) как сознательной формы поведения» [10].

С тем что у героев жертвенность превалирует над эгоизмом трудно спорить, только вот жертвенность связана большей частью с альтруистическими стремлениями человека, а герои не всегда являются альтруистами. Жертвенность также отнюдь не единственная характеристика личности героя.

Кроме того, борьба жертвенности с эгоизмом не определяет природу героизма даже героев-альтруистов, поскольку жертвенность сама по себе есть лишь внешнее проявление героизма, а не его сущность.

Н. К. Рерих., Е. И. Рерих и Л. В. Шапошникова предположили, что сущность истинного героизма заложена в единении героя с космосом.

В своих дневниках Елена Рерих дает понять, что мысль героя содержит в себе космическое творчество, желания же героя продвигают эволюцию [11. Часть 2. § 797].

Елена Рерих полагает, что человек связан с бытием Космоса и процессами, происходящими в нем, через один из аспектов Всеначальной энергии – собственным внутренним огнем. Психическая энергия, дух, мысль человека есть проявление огненной природы человека, и накопление психической энергии развивает его нравственные качества: «Психическая энергия есть любовь и устремление... . Выработка в себе постоянного, ничем не сломимого устремления к совершенствованию, к свету во всех проявлениях и будет развитием этой жизнедеятельной энергии» [12. С. 148].

Героические деяния, таким образом, предполагают своего рода пик психической энергии человека.

Людмила Шапошникова вносит определенную конкретизацию в эти идеи о роли героя в космической эволюции: «Дух, персонифицированный в определенном герое, и есть та движущая сила, которая и пробивает энергетические коридоры дальнейшего одухотворения земной материи. Через героя и его подвиг действует космическая молния удара по веществу, которая продвигает человеческое мышление и сознание и создает для человечества возможность взять определенную эволюционную высоту» [13. С. 378].

Шапошникова полагает, что героизм является проявлением метаисторического действия неких Великих Учителей

человечества, пребывающих в некоем Космосе. Это творчество субъектов космической эволюции, проявляющееся прежде всего в области культуры как самоорганизующейся системы духа, есть направленное энергетическое воздействие более высокой системы на человечество, рождающее героев [14, с. 54].

Таким образом, авторы предложенной концепции считают появление героев результатом космической эволюции, а герои помогают на определенном этапе развития общества своим примером подняться ему еще выше в ходе эволюционного развития: «Космическая энергия, как идущий творческий импульс, даст там исключительную жизнь, где проявлено устремление. Если бы человек осознал великое взаимодействие, то он направлял бы чаще свою энергию навстречу космическому творчеству. Ведь зов утвержден как великий магнит» [11. Часть 1. § 55].

Надо сказать, что концепция единения героев с космосом имеет явно религиозный оттенок, предлагающий принять на веру определенные постулаты, которые отражают нечто внешнее и совершенно неизвестное самим авторам этой концепции. Они ставят это совершенно фантастичное в основу героизма, искусственно одушевляя некий Космос, тогда как одушевленными являются только живые существа.

Авторы данной концепции представляют внешний космос как энергетический источник героизма в виде Великих Учителей человечества (субъекты космической эволюции), на-

правляющих человечество раз за разом на более высокие ступени эволюции под воздействием примера героев, в которых ими создается пик психической энергии, обуславливающий подвиги героев.

Подобный внешний Космос Великих Учителей человечества, существующий только в воображении авторов данной концепции, конечно, никакого отношения к сущности героизма иметь не может, которая может иметь отношение только к внутреннему содержанию сознания человека.

На самом деле человек есть самодеятельное существо, вполне осознающее как себя самого, так и свою деятельность, постепенно развиваясь в поколениях. То есть человеком управляет его собственное сознание, на которое не оказывается какое-то постороннее – космическое или подобное ему влияние. Мало того, деятельность как человека, так и его сообществ, а также всех живых существ, которые являются конечными образованиями, в отличие от их сознания, не только развивает общее (единое) бесконечное сознание дискретно через смертные существа, но и делает сознание вечным и удерживает всё мироздание в стабильном состоянии вечного развития.

По нашему мнению, кроме индивидуальных форм сознания в живых существах, функционирует и единое сознание, которое накапливает в базах данных голографической проекции бесконечности вне времени, представляющей единое сознание, результаты деятельности всех живых существ.

Вместе с тем единое сознание способно контролировать функционирование каждого организма, обеспечивая его жизнеспособность на определенных промежутках времени благодаря собственной голографической основе, в которой, как в любой голограмме каждый ее участок повторяет целое (всё в каждой части), благодаря чему, в частности, единое сознание голограммы не теряет единства с каждой из индивидуальных форм сознания в их бесконечной совокупности.

Поэтому едино-множественное сознание может в своем едином качестве обеспечивать с помощью этого единства связь с каждым индивидуальным сознанием в живом существе, организуя его функционирование через геном.

Сама же голограмма представляет собой высокочастотное образование как продукт наложения нескольких когерентных волн, дающего стационарную интерференционную картину, поскольку разность фаз волн не меняется.

Подробнее о голографической основе бытия изложено в моей работе о роли сознания в бытии и структуре мироздания в целом [см., напр., 15. Глава 2].

Тем не менее, авторы концепции единения героя с космосом совершенно справедливо отметили, что, кроме человека и его сообществ, существует некая структура, которую они обозначили как Космос. Эта структура, но в совершенно ином виде, действительно участвует в развитии, но не столько человека и человечества, которое конечно в сво-

их цивилизациях, как и человеческая жизнь, а в виде голограммы, являющейся проекцией бесконечности вне времени. Взаимодействие бытия (текущей реальности) и бесконечности вне времени через ее голографическую проекцию создает в итоге бесконечное развитие сознания, которое является вечным, но проявляется последовательно и дискретно только через смертные существа.

Авторы единения героя с космосом так же вполне адекватно отметили некое свойство человека, которое, правда, они ошибочно назвали психической энергией.

На самом деле главным в человеке является не какая-то неопределенная психическая энергия или столь же надуманная энергия пассионарности, на которую указывает Л. Н. Гумилев, которые непонятно откуда взялись, но сознание человека, благодаря которому он обладает неизбывной активностью и способен к развитию как собственного организма, так и собственного сознания, что обеспечивается главным и всем понятным состоянием сознания – его непреходящей неудовлетворенностью, без которой человек теряет стремление к чему-либо, превращаясь в живой труп, что несовместимо с развитием.

Более подробно о главной особенности сознания – его неизбывной неудовлетворенности, а также о пассионарности Л. Н. Гумилева рассказано в моей работе «Движущая сила и источник развития человека и его сообществ» [16. Часть 3, разделы 2, 4].

В герое неудовлетворенность сознания в обеих его формах – животное (природное) сознание и самосознание – проявляется весьма специфично, рождая героев разного типа, тогда как авторы концепции единения героя с космосом указывают только на один тип героя – альтруистичный.

Проблема связи неудовлетворенности обеих форм сознания с героизмом через определенные внешние проявления этого свойства сознания и понимание героем своей миссии, которые указывают на определенное взаимодействие неудовлетворенности природного сознания и неудовлетворенности самосознания, раскрыта в следующей главе.

2. Реальные истоки героизма.

Сначала отметим, что признаки героизма, принимаемые его исследователями за истинную природу (сущность) героизма, распадаются на две категории.

Одна включает в себя, по сути, чисто внешние особенности личности героев, такие, как харизма, смелость, энтузиазм, самоуважение, гордость, сильная воля, интеллектуальность.

Эти особенности, как мы покажем ниже, не имеют отношения к сущности героизма, а являются лишь определенными проявлениями сознания. Их внешний характер можно увидеть из сопоставления истинных героев и лжегероев, поскольку эти признаки, как правило, присущи и героям, и

лжегероям (см. ниже).

Тот факт, что указанные особенности героической личности являются свойствами каждого героя-альтруиста, не подлежит сомнению, но они же могут быть, за некоторыми исключениями, особенностями отнюдь не героических личностей, то есть индивидов, заинтересованных прежде всего в стремлении к славе, власти, почестям, богатству, но иногда задумывающих и совершающих ради этих целей действительно нечто выдающееся: покоряют другие народы, основывают империи, совершают перевороты и революции и т. д. благодаря своим талантам, неплохому интеллекту, способности вести людей за собой, решительности, бесстрашию и безжалостности.

Поступки же героев-альтруистов бескорыстны, жертвенны и ответственны именно потому, что они ставят перед собой более высокие цели: благо народа, независимость страны, борьба против угнетателей, защита обездоленных; стремление к гармонизации общества, справедливости для всех и т. п.; вместе с тем другая часть героев – эгоцентричного типа, которых поэтому можно назвать и антигероями, – стремится прежде всего не к благу общества, а к приданию себе статуса необыкновенной значимости и величия непокорностью судьбе.

Другой признак героизма, который принимается его исследователями (см. выше) за истинную природу героизма, заключается в единении героя с космосом.

На самом деле, к космосу человек имеет только то отношение, если, конечно, рассматривать его как самостоятельное живое существо, что космос, по сути, является инфраструктурой для существования живых существ, являясь всего лишь внешней оболочкой, необходимой для обеспечения функционирования обитаемых планет.

Из приведенного исторического экскурса по проблеме природы героизма видно, что сведение сущности героизма к любому из этих признаков или даже к их совокупности, явно недостаточно и поверхностно, то есть не имеет непосредственного отношения к его истокам.

Очевидно, сущность героизма иная, но для ее определения необходимо сначала найти то главное, что делает прима-та существом, способным осознать собственное существование во времени и тем самым приступить к изменению всего вокруг вполне сознательно, последовательно ставя себе цели и решая сопутствующие задачи.

Активность живых существ, в том числе и человека, в отличие от остальных объектов бытия, подчиняющихся только естественным законам: законам сохранения, закону неубывающей энтропии, законам Ньютона и т.д., должна быть сознательной, и присутствие в них сознания, по сути, является единственным отличием живых существ от прочих объектов бытия. В противном случае, активность живых существ не имела бы разницы с круговращением остальных объектов бытия, но мы этого не наблюдаем.

Сознание заставляет человека и, вообще, всё живое не стоять на месте – развиваться, при этом оно чутко реагирует на обстоятельства жизни и окружающую среду, проявляясь для человека в чувствах, мыслях и действии двояко: с одной стороны, заставляя его в любом случае не терять активности, с другой стороны, резко повышая или понижая активность при определенном стечении обстоятельств, как естественных, так и рукотворных, а также удерживая активность на определенном уровне в случае неизменных обстоятельств жизни.

Если нам удастся определить глубинное свойство сознания, влияющее на активность человека, то его колебания должны так или иначе отражаться на степени инициативности, предприимчивости, ответственности, волеизъявления и прочих внешних проявлениях жизнедеятельности человека и деятельности человеческих сообществ, а также вообще – на жизнедеятельности других живых существ, делая их или динамично функционирующими, или же впадающими, как медведь зимой, в спячку, то есть пассивными.

Вся человеческая жизнь, всё бытие, всё мироздание есть вечное проявление активного, или живого среди пассивного, то есть неживых объектов [17. Гл. 1.2].

Таким образом, зачаточное (инстинктивное) состояние сознания живого существа обусловлено непреходящей собственной активностью, без которого его просто нельзя было бы считать живым, и проявляется эта неосознанная актив-

ность в неутолимой неудовлетворенности собой среди вещей и других живых существ в динамике, без которой любое живое существо лишилось бы стремлений к изменению своего существования в лучшую, то есть более выгодную – приятную, безопасную и комфортную – сторону, впад в застой, который всегда приводит к вырождению и гибели.

Пространство подобной неудовлетворенности расширяется в человеке осознанием этого чувства (основное свойство сознания), проявляясь уже и в его осознанной деятельности, которая сводится к процессам разрушения и созидания во всем, что окружает его.

Эта неудовлетворенность, присущая теперь только человеческому сознанию в его самосознании, но которая никуда не уходит и из его низшего (природного) сознания, а отнюдь не воля и не пассионарность, дает импульс к активности любому живому существу, отражаясь в осознанных и импульсивных действиях по преодолению непрерывного сопротивления среды.

Низшим (животным, или природным) сознанием человека свобода, или действие неудовлетворенности проявляется инстинктивно, то есть без явной цели – методом проб и ошибок, в его стремлении к выживанию, размножению, удобству, доминированию и безопасности.

Тем не менее, в основе любых устремлений и решений природного сознания в живом существе заложена неудовлетворенность его сознания, поскольку живое, или активное

существо стремится прочь от того, что у него есть, туда, где, как оно предполагает ощущениями, лучше, чем сей момент, то есть приятнее и выгоднее: сытнее, теплее, безопаснее и т. п. Но, как известно, полагаться на ощущения можно не всегда, что, например, доказывают регулярные полеты саранчи в пустыню или миграция рыбных косяков прямо в пасть хищникам на собственную гибель.

Высшим сознанием (самосознанием) свобода, или действие неудовлетворенности сознания проявляется как стремление к намеченной цели. Эта сторона сознания уже способна квалифицировать, то есть понимать по крайней мере видимые ограничения для стремлений человека к намеченным целям как неволю, а освобождение от этих ограничений как свободу «от», именуя поэтому ее независимостью, которая может быть достигнута настойчивостью в определенном направлении.

Кроме того, человек приобретает способность выбирать из некоторой совокупности то, что более соответствует его интересам как в данный момент, а также на будущее. Иначе говоря, благодаря неудовлетворенности самосознания человека, он обретает способность регулировать и планировать свою жизнь так, как ему хочется, но с учетом окружения, и оценивая заранее последствия запланированных поступков, то есть понимая, что за них придется отвечать как перед собой самим, так и перед собственным окружением.

Однако, это существенное добавление в сознании живо-

го существа в форме самосознания, которое позволяет ему постигать себя в отношениях с сообществом и, как кажется, поступать разумно и ответственно, ничуть не убавляет действия низшего (животного) сознания, которое в любой момент может начать блокировать какие угодно стремления высшего сознания, если только ему покажется, что они противоречат выживанию данного человека или даже, если они могут ухудшить качество его жизни, или, напротив, когда низшее сознание человека накопит собственную неудовлетворенность наличными обстоятельствами до такого предела (мало еды, надоел холод и вредные соседи), при котором человек или всё сообщество бросится туда, где мелькнул горизонт лучшего по мнению низшего сознания, которое не умеет рассчитывать на длительный срок, но способно, при его достаточной наполненностью неудовлетворенностью, отодвинуть в сторону высшее сознание со всеми его аргументами, и заставить сообщество мигрировать в непригодную местность на погибель или вывести весь народ на безнадежную войну с соседями за лучшую долю, в которой он целиком погибнет.

Тем не менее, человек, который представляет собой слитое воедино природное сознание и самосознание в форме тела, есть вещественное проявление действия свободы как в инстинктивных, так и осознанных стремлениях. Внутренняя противоречивость этих стремлений и вместе с тем их слитность в основе не позволяет однозначно распределить дей-

ствия человека на чисто сознательные и чисто инстинктивные. Поэтому четко предсказать действия любого человека или предопределить их невозможно, и в этом он так же свободен.

Тем самым свободные проявления человека, то есть его продвижение вперед, происходят посредством как инстинктивных, так и осознанных действий, в основе которых заложена неизбывная неудовлетворенность собой и своим окружением. Другое дело, в какой степени проявляется это фундаментальное свойство активности как в сфере низшего (животного) сознания, так в границах высшего сознания (самосознания).

Переполнение человека неудовлетворенностью, в частности, занимаемым им местом в обществе, например, в форме не вполне удовлетворенного стремления к власти, что входит в сферу животного сознания, ведет его к забвению всех моральных норм и сокрушению любыми средствами своих противников, тоже стремящихся во власть.

Переполнение человека неудовлетворенностью местом в жизни с позиции возможно наиболее эффективной защиты собственного достоинства, достоинства своего отечества от несправедливого посягательства врагов, остававшееся втуне в обыденной жизни, а это сфера самосознания, заставляет скромного бухгалтера проявлять чудеса героизма на войне, где это свойство сознания позволяет ему, в отличие от обыденной жизни, развернуться так, как и не снилось профес-

сиональным военным.

Подпитывают эту неудовлетворенность сознания, обуславливающую стремление к новому, не прекращающиеся и меняющиеся информационные потоки, пронизывающие всё существо человека, которые он может интерпретировать, обладая самосознанием, по-разному, в меру своего понимания. Тем самым каждый человек неизбежно совершает все время колебания от привычки, или устоявшегося образа жизни, к разрушению создавшегося немалыми трудами порядка, освобождению от него. Установив одно и приобщившись к нему, он рано или поздно начинает тяготиться им и решается изменить его, как бы ни сопротивлялась этому его внешняя консервативная натура.

Каждый человек, осознавая собственную смертность, вынужден определить для себя отношение к смерти – прежде всего, насколько он страшится ее, и что для него может быть хуже смерти.

Практика показала, что подавляющее число людей всячески цепляются за жизнь, даже понимая неизбежность близкого конца.

Сей факт указывает на родственность их сознания сознанию животных, которые, хотя не осознают себя как личности и не знают о смерти ничего, но, обладая способностью ощущать, не способны добровольно отказаться от ощущений никогда.

Это означает, что большинство людей не способны доб-

ровольно состояться как бесстрашные личности в привычной обстановке, то есть – без катаклизмов, во время которых ценность жизни теряется. Иначе говоря, в их сознании преобладает животная (лимбическая по мозгу или природная по сознанию) составляющая, а личностная составляющая сознания – самосознание – находится на сравнительно низком уровне, при котором неудовлетворенность самосознания ориентирована на изменения в собственном окружении с целью потребления большей частью материальных благ и развлечений, то есть его цели совпадают со стремлениями животного сознания, желающего привести ощущения к наиболее приятным, а также – на выживание любым способом, в частности, отрицающим жертвенность, за исключением особых случаев, которые унаследованы еще от животных.

Этот своего рода инстинктивный героизм животных проявляется в критических ситуациях угрозы нападения на их детенышей, при которых, например, самки птиц уводят хищников от гнезда подальше с большой вероятностью попасть к ним в пасть.

Подобная угроза, которую следует устранить ради спасения потомства, а значит и всего рода, возникает во время войн, землетрясений и т. п., вызывая как неподдельный массовый героизм, так и пробуждая к жизни отдельных великих героев, совершающих удивительные подвиги, которые они сами и не могли ранее предположить, поскольку занимались самой обычной работой механиков, врачей, учителей и т. д.

Этих героев можно назвать ситуативными, поскольку они появляются только в критических ситуациях, возвращаясь к обычной жизни с их ликвидацией, тогда как прочие герои всегда ищут и часто находят поле для приложения своих подвигов, только вот эти подвиги могут быть не только в защиту отечества или во благо народа (герои-альтруисты), но и ради собственного возвеличивания (бескорыстные герои с претензий на роль сверхчеловека).

Тем не менее, степень неудовлетворенности и внешние проявления как самосознания, так и животного сознания не одинаковы, распределяя людей на определенные группы по их поведению [16. Часть 3, раздел 4], и основной из этих групп является группа, так называемых, обывателей, составляющая от 80 до 90% населения.

Слабое развитие самосознания и столь же слабое проявление животного сознания (низкий уровень неудовлетворенности сознания в обоих случаях), которые находятся в уравновешенном состоянии, характеризуют основную группу любых сообществ. Все члены этой группы ориентируются в основном на собственный рассудок и опыт: занятые собой и собственным благополучием, они не стремятся ни к «высоким», ни к «низким» целям, ограничиваясь желанием беспроблемной и сытой жизни, в которой неприятности желательно видеть только на экране монитора. Обыватели не испытывают стремления к новому за счет собственных усилий, добиваясь более комфортного состояния в жизни с по-

зиции простого приобретения и потребления ее благ.

Поэтому сравнительно редким исключением являются индивиды, презирающие сытое благополучие и не боящиеся смерти, но не по глупости и не в силу обстоятельств, а с пониманием того, что есть нечто выше или хуже смерти, что каждый из них представляет по-своему, в зависимости от развития собственной личности, то есть – развития самосознания.

Для них смешна и нелепа корысть. Многообразные блага, почести и слава их так же мало волнуют. Этими свойствами они, кстати, отличаются от большинства общепризнанных героев, которые на самом деле – просто фальшивка, даже такие знаменитости как Цезарь или Наполеон, которых, в частности, Ницше считал наиболее близкими персонами к сверхчеловеку, но, тем не менее, не относил их к таковым, понимая всё же, что наглость, безжалостность и корыстолюбие этих персонажей истории несовместимы с героизмом.

Истинных героев, основными особенностями которых является осознание своей великой миссии, бескорыстие, жертвенность и преданность обретенным идеалам, интересуют иные ценности.

Одних – героев-альтруистов – волнует мировая несправедливость, и они желают восстановить справедливость так, чтобы все жили хорошо и были бы такими же смелыми и благородными борцами за справедливость, как они сами (Джузеппе Гарибальди); другие хотят освободить свой на-

род от угнетения чужеземцами (Жанна Д'Арк); третьи мечтают ликвидировать государство, разделяющие людей на сословия или классы, мешая, как они полагают, людям жить в дружбе и гармонично развиваться (идеолог анархизма Петр Кропоткин).

Но есть и те, которые, наоборот, хотят навести в государствах такой порядок, чтобы там остались одни лучшие, или полноценные граждане, которые в качестве продуктивных единиц общества способны обеспечить развитие и реальное процветание всего общества, а разного рода неполноценных (слаборазвитых, больных, нищих, криминалитет, люмпен-пролетариат и расово непригодных для развития) вывести за пределы общества, сделав часть из них прислугой, а остальных, как непроизводительный или вредоносный элемент, просто уничтожить, обеспечив оставшимся перманентное счастье и удовлетворение жизнью (Адольф Гитлер).

Героев-эгоцентристов общество интересуется только как арена для достижения собственных надуманных целей, которые, раз эти цели противоречат реальным интересам общества, оказываются иллюзорными.

Одни из этих героев-эгоцентристов желают подняться над толпой на недостижимую для всех остальных высоту за счет достижения целей, поворачивающих мир на новые рельсы, но эти рельсы, как оказывается в дальнейшем, ведут в тупик, так как выбор явно утопических целей был продиктован не интересами общества, а собственным возвышением над ним

по недомыслию, что характерно для этого типа героев, ориентирующихся в основном на себя (Лев Троцкий), несмотря на то, что эти эгоцентричные герои имеют многие таланты, сильную волю, способность сопротивляться любым силам и обстоятельствам до конца, подчеркивая собственное величие и гигантский отрыв от покорного судьбе населения.

Другие герои-эгоцентристы, которые желают доказать себе и прочим свою исключительность достижением собственными силами единоличного господства над всей цивилизованной ойкуменой, разочаровываются при достижении этой цели, поскольку дальше идти им некуда, и остаток жизни пребывают в унынии (Александр Македонский), не находя из-за узости своего сознания больше путей для реализации неудовлетворенности собственного самосознания.

Таким образом, из понимания своей роли в качестве своего рода бескорыстных спасителей отечества, народа или всего человечества в критические периоды проистекает героизм общего блага (альтруистичный), причины которого могут быть различными, но его природа, или сущность всегда одна: максимально высокий уровень самосознания в его неудовлетворенности положением собственного окружения или всего общества, из которого проистекает сострадание к людям, бескорыстие, ответственность и благородство, отражающие, в частности, понимание невозможности допустить устранения тех или иных культурных ценностей, относящихся к общему достоянию или, наоборот, – не позволить поме-

шать возникновению новых ценностей, которые, по мнению, данной личности приведут всех или избранных к благу, как его понимает эта героическая личность.

Вместе с тем степень неудовлетворенности природного сознания ситуацией в окружении героя-альтруиста такова, что позволяет поступиться чувством самосохранения вследствие обостренного ощущения, например, потери устойчивости окружающего, которую следует восстановить для потомков даже ценой собственной жизни.

Такие герои общего блага, в самосознании которых личное в определенный период совпадает с общественным, становятся народными, хотя среди них бывают и герои, ограниченные захватившей их идеей (харизматичный Владимир Ленин), выглядевшей в глазах большинства привлекательно, а в итоге оказывающейся утопической, и просто ситуативные герои (русский солдат Александр Матросов, закрывший своей грудью амбразуру дота, спасая от гибели цепь товарищей, атакующую фашистских захватчиков).

Основной почвой для таких героев-альтруистов является страта достаточно хорошо образованных и оппозиционно настроенных неформалов-интеллектуалов, у которых неудовлетворенность самосознания состоянием общества и действиями власти достигает значения, близкого к максимальному, сочетаясь с довольно низкой степенью неудовлетворенности животного сознания материальными благами, потребление которых уступает потреблению ценностей, кото-

рые дает познание и культура.

Отличие самосознания героев-альтруистов от самосознания обычных неформалов-интеллектуалов состоит в усилении до максимально возможных значений неудовлетворенности их самосознания состоянием общественных отношений, совпадая со значительным понижением неудовлетворенности их природного сознания, сказывающемся в ослаблении стремления к выживанию и потреблению материальных благ, что позволяет этим личностям бесстрашно вести часто безнадежную борьбу с безжалостными врагами, пытаться преодолевать непреодолимое, яростно отстаивать старые, но добрые традиции, или, наоборот, с неудержимым порывом внедрять новые ценности, которые они считают необходимыми в данный момент для общества.

Внешне это отличие героев-альтруистов от обычных неформалов-интеллектуалов выражается в их искреннем перманентном бескорыстии, презрении к смерти, понимании своей благородной миссии, решительности, стойкости, преданности идеалам справедливости, как они их понимают, чувстве высокой ответственности за успех любого дела, бескомпромиссности в общении с врагами и неприменной харизме, то есть способности выходить на первый план и вести за собой массы в любых обстоятельствах; кроме того, в их самосознании не находится места для честолюбия и властолюбия,

Герои идеи, направленной, как им кажется, на благо об-

щества, мало чем отличаются от героев-альтруистов, но их самосознание в его неудовлетворенности окружающим ограничено рамками овладевшей ими идеи, и поэтому они теряют в значительной степени сострадание к конкретным людям, оперируя большими человеческими потоками для достижения поставленной цели-блага.

Кроме того, глобальность целей ведет героев идеи к персонификации себя же в форме стремления к выдвижению на первый план, в чем их поддерживает животное сознание, по возможности стремящееся к доминированию, уничтожая отчасти благородство в поведении и ответственность за судьбы доверившихся им людей, и они бросают их в «топку» своих намерений, которые состоят в обеспечении для общества всех возможных благ за короткое время.

В случае некоторого понижения уровня самосознания от максимально возможного с разворотом его неудовлетворенности положением людей в обществе в сторону неудовлетворенности отношением общества к себе, в котором герой с претензией на роль сверхчеловека мог бы много сделать для этого общества в силу своей исключительности, действительно, часто оправданной, поскольку так же, как и герои общего блага, эти герои с неизбывной любовью к себе всё же самостоятельны, имеют сильную волю, бесстрашны, храбры, умны, решительны, бескорыстны, верят в себя, идут до конца, ничего и никого не боятся, способны увлекать за собой (харизматичны), их суждения своевременны и точны, они

имеют определенный опыт, профессиональные навыки, и, по крайней мере, базовое образование, но общество, представляющееся им скоплением недалеких людишек с примитивными интересами, этих героев-эгоцентристов не интересует. Мало того, они презирают этих жалких персонажей обыденной жизни с их низменными потребительскими запросами и не считают себя ответственными перед такой ничтожной породой, хотя не прочь использовать ее в своих целях.

Однако сами они отнюдь не провидцы, и у них отсутствует понимание, что манипулировать обществом в своих довольно-таки оторванных от реальной жизни целях по меньшей мере неразумно, хотя и эффективно, что в итоге приводит их самих и доверившиеся им народы к краху.

Но подобный антигерой уже давно разочаровался в этих умственно и эмоционально недоразвитых и безвольных поденщиках, способных только жаловаться на жизнь, канючить, желать низкопробных зрелищ, жрать в три горла и собирать, по возможности, всякие значки и медали. Поэтому он хочет, используя ресурсы общества, совершить невероятное и забраться на высоту полубога, заставить всех смотреть на себя с неизбывной благодарностью и искренней любовью, снисходительно принимая это восхищение, подтверждающее его веру в себя как сверхчеловека или, по крайней мере, человека, не от примитивного мира сего.

В этом соображении героя-эгоцентриста поддерживает достаточно высокий уровень животного сознания, неудовле-

творенность которого отражается в стремлении к доминированию в собственном окружении за счет фактической утраты чувства самосохранения, существенное понижение которого является причиной презрения к смерти этого героя.

То есть эгоизм животного сознания в виде повышенной доминантности поддерживает его мнение о собственных достоинствах по сравнению с толпой, ставя в собственных глазах выше прочего плебса, а героизм подобного эгоцентрика сводится в основном к демонстрации любыми средствами, в том числе и бесстрашием, собственной значимости перед общественностью не ради действительного решения назревших проблем в интересах народа, а для использования этих проблем для того, чтобы все убедились в его величии, гениальности и неповторимости.

Иначе говоря, достаточно высокий уровень самосознания и неплохой интеллект позволяют им постичь как собственную значимость, так и суть назревших общественных проблем, но под давлением повышенной доминантности собственного животного сознания эти эгоцентричные герои начинают под предлогом решения насущных проблем удовлетворять сознание собственной исключительности стремлением к различного рода фантазиям вроде признания себя стоящим над всеми в виде указующего перста для них.

Тем самым все сверхчеловеческие стремления подобных героев, презирающих смерть, но пытающихся прыгнуть выше собственного роста не только за собственный счет, но и

с использованием ресурсов собственного окружения для достижения химерических целей, всегда ориентированы только на себя по смыслу ставящихся ими целей, предполагающих отделение от толпы не столько захватом власти, сколько возвышением себя в собственных глазах, и имеющих поэтому в виду не общественное или сугубо личное благо, а противопоставление себя всем окружающим своими рискованными и часто алогичными поступками, но с бравадой и самолюбованием в любой опасности, даже грозящей неизбежной гибелью.

Основной почвой для таких героев-эгоцентристов является страата творческих персон, у которых неудовлетворенность самосознания состоянием общества достигает высокого уровня, сочетаясь с еще более высокой степенью неудовлетворенности животного сознания имеющимися материальными благами.

Другими словами, в обществе имеются индивиды, всегда переполненные глубинным чувством неудовлетворенности по отношению к окружающей их среде, которое приходит к ним от низшего сознания в его стремлении к созданию больших удобств для существования. Однако это чувство сочетается с их высшим сознанием, неудовлетворенность которого недостаточным общественным комфортом, развитием науки и искусства, достигая высокой степени, требует распространить достижения цивилизации и культуры на всех.

Но доминирует при этом низшее сознание, поскольку ак-

тивность этих индивидов проявляется большей частью инстинктивно, без особых размышлений, с минимумом разумности, давая, тем не менее, наиболее креативные персоны из всех живущих.

Эта категория любого сообщества – своего рода «безрассудные» – предпочитает нестандартные жизненные ситуации в силу неприятия ею одних формально-логических подходов к жизни – такая жизнь для них скучна и бессмысленна, как работа на конвейере по закручиванию гаек.

Они не любят рассуждения, логические построения, стараются избегать аналитико-синтетической работы, ненавидят действия по прагматичным выкладкам; при этом, они, как правило, отнюдь не трудоголики.

Поэтому безрассудным легче применять целевые программы самосознания в сочетании с программами низшего сознания, если, конечно, им удастся сочетать столь противоречивые формы сознания, для быстрого и решительного изменения ситуации в пользу своей задумки.

Иначе говоря, они предпочитают не длительные размышления, не систематизацию фактов и явлений, то есть не рассудочные действия, а действия спонтанные, или действия, при которых поставленная цель может быть достигнута одномоментно как бы по наитию, хотя, конечно, им приходится предварительно потрудиться в приобретении ремесленных навыков и набирания опыта.

Именно такого рода люди, как бы бессознательно стре-

мясь к изменениям всего и вся любыми способами, делают открытия, создают шедевры поэзии, живописи, изобретательства, становятся выдающимися полководцами. То есть их деятельность замыкается в основном на креатив, который привлекает их отнюдь не с позиции потребления каких-то благ – им интересен сам процесс.

Отличие самосознания антигероев от самосознания творческих персон (креативщиков) состоит в развороте неудовлетворенности самосознания антигероев в сторону выявления недостатков этой общественной среды не для их реального устранения, а для возвеличивания собственной персоны, совпадая в этом отношении с повышенной неудовлетворенностью животного сознания позицией его носителя в собственном окружении, то есть высокой степенью доминантности по сравнению с остальными индивидами, за счет ослабления стремления к выживанию и потреблению материальных благ, тогда как креативные персоны не удовлетворены состоянием общественного комфорта и стремятся улучшить его развитием науки, техники и искусства.

Внешне это отличие героев-эгоцентристов с претензией на роль сверхчеловека от креативных персон выражается в искреннем бескорыстии антигероев, их презрении к смерти, гордости собой, решительности, стойкости, сильной воле, харизме, благодаря которой они выходят на первый план и ведут за собой массы в любых обстоятельствах, отсутствии честолюбия, и вместе с тем – в презрении к людям, отсут-

ствии благородства и ответственности перед обществом, а также в постановке перед собой целей, которые могут показать их величие и неповторимость, несмотря на вполне вероятную недостижимость этих целей, о чем они не способны думать или стараются не думать.

Эгоцентричные герои, отрывающиеся от общества, а, по сути, паразитирующие на нем, считают истинной ценностью благо только для избранных, полагая всех остальных глупой и несамостоятельной толпой, серой массой, не способной подняться над собой, которую можно лишь использовать для достижения собственных целей, возвеличивания себя без особых на то оснований. Отсутствие этих оснований история явственно показала в утопичности их целей, то есть обязательном крушении всех их начинаний именно из-за выпадения этих целей из рамок общего цивилизационного тренда, направленного на развитие как индивидуального, так и массового сознания.

Сближает альтруистичных и эгоцентричных героев их ограниченность теми или иными предрассудками, вера в себя и надежда на благоприятный исход собственных действий, а также бескорыстие, жертвенность, осознание своей великой миссии в стремлении к благу, как герой его понимает, или великим целям, преданность обретенным идеалам и презрение к власти имущим.

Эта ограниченность способствует их героизму, раз они не задумываются об отдаленных последствиях собственных

действий, считая их правильными и своевременными, хотя они, спасая, удивляя или возмущая, как правило, слабо влияют на рост общественного благосостояния и уж никогда не приводят народы к гармонии, а самих героев к процветанию любого рода, которое у них вызывает просто скуку.

С другой стороны, ограниченность героев не позволяет им задумываться о том, что они, например, в качестве бескорыстных альтруистов только и делают, что исправляют ошибки довольно глупых власть предержащих, приведшие к катастрофе, либо они, как эгоцентристы, ставят себя в положение изгоев в нравственном отношении, ведущем к распаду личности.

Однако герои любого типа никогда не действуют под давлением кого бы то ни было – они как добровольцы всегда самостоятельны в своих действиях, а героизм их сказывается в том, что они не отказывают себе в попытке разрешить неразрешимое и выполнить неисполнимое не по неразумию, а вполне сознательно, приходя, например, в военном искусстве – к новым формам ведения сражений как Ганнибал, чуть было не уничтоживший Великий Рим.

Бескорыстие героев и часто открытое неуважение к власти имущим лишает их благополучной жизни, которая завершается большей частью нищетой или гибелью, но на то они и герои, чтобы не сетовать на судьбу и принимать голод и смерть с улыбкой, а не с гримасой разочарования.

Различие альтруистичных и эгоцентричных героев прояв-

ляется в их отношении к свободе.

В принципе, человек, который представляет собой слитое воедино низшее (лимбическое по мозгу) и высшее сознание (самосознание) в форме тела, есть вещественное проявление действия свободы как в инстинктивных, так и сознательных стремлениях. Внутренняя противоречивость этих стремлений и вместе с тем их слитность в единой основе не позволяет однозначно распределить действия человека на чисто сознательные и чисто неосознанные (спонтанные). Поэтому четко предсказать действия любого человека или предопределить их невозможно, и в этом он так же свободен.

Тем самым свободные проявления человека, то есть его продвижение вперед, происходят посредством как инстинктивных, так и осознанных действий.

Явная невозможность для человека вырваться из общественных и природных пут привела, как кажется с первого взгляда, к плодотворной идее: свобода есть познанная необходимость.

Правда, это ограничение свободы в пользу порядка не поясняет путей этого познания – необходимость в виде порядка, организации проявляется всюду, а всё познать невозможно – ни в одной человеческой жизни, ни в жизни многих поколений, тем более что всё непрерывно меняется, а на познание требуется время.

Кроме того, эта чисто внешняя трактовка свободы может вызвать недоумение в связи с тем, что если даже допу-

стить познание или понимание всех ограничений, с которыми встречается человек, то такого рода познание можно квалифицировать только как смирение перед внешними, вещными факторами.

Подобный подход, в сущности, отрицает развитие и может привести не к свободе, а к мысли об освобождении от подобного гнета только после смерти, или к параноидальной идее, что ход бездушных вещей должен обуславливать (продиктовывать) все движения человека.

Последнее автоматически предполагает тоталитаризм в общественных отношениях, пытающийся лишить человека и свободы, и независимости, что и приводит тоталитаризм в итоге к краху. Примечательной иллюстрацией этого результата является падением практически всех марксистских режимов, , взявших на вооружение эту «замечательную» формулу свободы, за не столь уж большой исторический срок.

Такого рода результат снова показывает неадекватность господства вещей над сознанием, которое организует мир для себя, начиная с формирования вещей по собственному пониманию, то есть в соответствии с имеющимися у него формообразующими способностями.

Эгоцентричный герой-индивидуалист с претензией на полубога плюет на обстоятельства, являясь типичным волюнтаристом, то есть стремясь без учета обстоятельств и возможных последствий достигнуть своих на самом деле иллюзорных целей, которые заключаются лишь в его собственном

возвышении над толпой любым средствами и самолюбованием при этом своими выдающимися волевыми потугами.

Другими словами, этот герой-индивидуалист считает возможным использовать случайность, якобы направляемую свободой воли в виду непредсказуемости исхода события, то есть нечто противоположное необходимости.

Пытаясь ухватить волей произвол, герой-индивидуалист так же становится игрушкой обстоятельств, то есть фигурой, подчиненной им, теряя свободу в своих действиях и приобретая вместо славы только насмешки современников и будущих историков над своими сверхчеловеческими стремлениями, которые являются обычной глупостью, неизменно ведущей к краху.

Совсем иначе рассуждают герои общего блага.

Они, как истинно народные герои, не вдаваясь особенно в генезис катастрофических событий, ведут за собой, возможно, в последний бой всех добровольцев, поддавшихся их уверенности и обаянию, делая их тоже героями. Именно они без приказа остаются в арьергарде, чтобы погибнуть, прикрывая отход своего подразделения при военных действиях.

В науке эти герои, невзирая на личности, ниспровергают авторитеты, получая взамен не медали и почетные звания, а ссылку и проклятия при жизни, и не всегда отметку в истории, так как их заслуги часто отбирают ординарные проходимцы от науки.

Герои-альтруисты всегда бросают себя без сожаления на

алтарь отечества, науки, искусства или просто товарищества, ощущая себя свободными в самой законченной степени, чего не дано ни рассудительным гражданам, ни даже мудрецам.

Обычные, но самые настоящие герои из простого народа не только не ждут вознаграждения, но стараются быстро и незаметно удалиться от места своих героических деяний, если, конечно, уцелеют, к прежним, как правило, скромным занятиям до тех пор, пока отчизна снова не призовет их на подвиг.

Поэтому истинные герои-альтруисты, кроме указанных выше качеств, общих для всех героических личностей, умеют сострадать, радоваться жизни, бороться за права простых тружеников.

Вместе с тем история давно показала, что героические свершения не происходят спонтанно во все времена.

Возьмем для примера Швейцарию, где уже который век течет гладкая, сытая, хорошо налаженная жизнь без всяких катаклизмов, революций и прочих потрясений. Естественно, никакими героями там и не пахнет.

Но это не означает, что героев не бывает вовсе в беспроблемное и «сытое» время, когда неразрешимые противоречия отсутствуют. Везде и всегда идет борьба между прогрессистами и консерваторами, не перехлестываясь большей частью в революции, хотя правящим элитам волей-неволей приходится проводить реформы для того, чтобы не попасть в зависимость от более развитых государств. Потенциальные

герои никуда не деваются, как и не исчезает во многих людях высокий уровень самосознания, требующий устранения всякой несправедливости, а ее везде и всегда по отношению к трудящимся массам хватает с избытком. Поэтому потенциальные герои просто-напросто становятся наиболее активными членами общества, проявляя себя в основном в организациях и предприятиях, оппозиционных власти, пытаясь улучшить структуру общества и оказывая помощь обездоленным.

Таких людей довольно много, и именно они в минуту опасности любого рода идут вперед, будь то оборонительная война или наводнение, увлекая за собой остальных добровольных помощников, и обеспечивая тем самым массовый героизм, который часто спасал целые народы, или же все эти герои погибали с честью, но не просили пощады никогда.

Наиболее известными из них являются Жанна д'Арк, Чанг Хынг Дао, Джордано Бруно, Томмазо Кампанелла, Ян Жижка, Симон Боливар, Джузеппе Гарибальди, Николай Чернышевский, Хосе Мария Пино Суарес, Сунь Ятсен, Нестор Махно, Махатма Ганди, Эрнесто Че Гевара, Мартин Лютер Кинг.

Если есть герои, то в любом случае имеются и обманчивые подобию им.

Эти лжегерои могут быть смелыми, зовущими на борьбу с несправедливостью, они могут обладать незаурядным умом, великолепными организаторскими способностями, комму-

никабельностью, энергией, доблестью и даже быть харизматичными, по крайней мере, какое-то время. Но в основе всех их деяний лежит стремление к приятной и комфортной жизни, желание славы, богатства и власти, в том числе и для того, чтобы относиться к не достигшим этих «благ» с презрением, выделяя себя в некую исключительную группу среди остальных, не отделяя себя вместе с тем от властной элиты, являясь высшим выражением корпоративной солидарности власть имущих.

Официальные историки, будучи, как правило, пропагандистами властной элиты, к которой эти ложные герои относятся, а это – императоры и короли, президенты и министры, известные своими военными победами и реформами, выставляют их героями, тогда как никакого отношения к героям общего блага и даже к антигероям, цели которых всегда высоки, они не имеют вследствие мизерности и банальности целей этих лжегероев – власть, богатство и почести, хотя внешне они могут выглядеть героями, показывая, бывает, и смелость, и стойкость, и бесстрашие, и даже ответственность, а также иногда демонстрируя определенные таланты, но они всегда исправно служат правящему классу, а не народу, и их идеи, судя по результатам действий этих «героев», сводятся всего лишь к расширению собственной власти, увеличению богатства, привилегий, званий и чинов, а также к укреплению власти правящей верхушки.

Почему эти деятели фальшивы, можно понять по тому ре-

зервуару, из которого они большей частью появляются – а это: властная элита, силовые структуры и чиновничество.

Посмотрим сначала, что представляет собой сознание представителей этих страт.

Во властной элите общества любого государства превалирует отнюдь не высшее сознание (самосознание) его членов, основой которого является неудовлетворенность общественными отношениями и стремление улучшить их, имея в виду всех соплеменников, проявляясь, правда, по-разному.

Этой элите и примыкающим к ней силовикам и чиновникам недоступен высокий уровень осознания себя как личностей с чувством собственного достоинства, сострадания к страждущим, благородством, высокой культурой, бескорыстием и ответственностью перед обществом за свои действия

Отбирая от высшего сознания (самосознания) соответствующую долю представления о себе, своих достоинствах и недостатках, и, следовательно, определяя на этой основе собственные перспективы в обществе, а от животного сознания – быстроту реакции, упорство, энергию, коммуникабельность, ловкость и хитрость, эти субъекты получают преимущество перед остальными – более инертными членами сообщества в виде обывателей, высокоморальных интеллектуалов разного рода и прочих сравнительно вялых или озабоченных другими делами представителей народонаселения, не способных ловко оттеснить или оболгать соперника, а также с толком насладиться унижением нижестоящих, и

вместе с тем терпеть издевки вышестоящих.

Низкий уровень самосознания этих страт общества, при котором акцент ставится не на борьбе за улучшение состояния общества в целом, а на защите интересов правящего класса, допускающий особенности, указанные выше, приводит к доминированию в них животного сознания, для которого главной особенностью является чувство самосохранения, стремящегося в любом случае не утратить потребление ощущений, желательного наиболее приятных, за счет всех остальных членов общества, на которых представителям этих страт общества наплевать, но всё же они понимают, что лишившись этого жалкого, по их мнению, народа, они потеряют основу собственного существования, и вынуждены, скрипя сердце, как-то с ним взаимодействовать.

Таким образом, для представителей власти доминантой неизбежно является животное сознание, то есть в их сознании ощущается явный недостаток осознания себя как самоценных, творческих личностей, а не как потребителей.

Отличие самосознания лжегероев от самосознания представителей властной элиты состоит в крайней степени неудовлетворенности отношения общества к ним, и соответственно – своим местом в иерархии власть имущих, которые, как им кажется, недооценивает их таланты и энергию, благодаря которым они способны многого добиться не только для себя, но и для остальных соратников по власти. Эта неудовлетворенность самосознания совпадает с высокой степенью

неудовлетворенности животного сознания (повышенная доминантность), которая во что бы то ни стало требует большей власти, почитания и комфорта.

Внешне это отличие сознания лжегероев от обычных властолюбцев и честолюбцев выражается в их сильной воле, харизме, высокой степени интеллекта, различных видах природной одаренности, решительности, стойкости, бесстрашии, но вместе с тем они горделивы, самодовольны, изощренно коварны, жестоки, беспощадны, презирают простых людей, считая их быдлом. Они великолепные интриганы, легко жертвуют людьми для достижения своих целей, заключающихся в сосредоточении в своих руках всё большей власти, богатств и различных привилегий, не отказываясь от почестей, наград и званий, которые, как они считают, заслужили, защищая интересы властной элиты, и они никогда не встают на сторону обиженных и угнетенных, разве что улыбаются народу и бросают ему в общем-то ничтожные подачки.

3. Примеры основных типов героев.

3.1. Герои общего блага.

3.1.1. Народные герои (альтруисты).

Итальянский революционер и полководец Джузеппе

не Гарибальди (1807-1882)

Гарибальди с юности мечтал освободить Италию от австрийских оккупантов. В 1834 году пытался поднять восстание в Генуе. Заговор провалился, но ему удалось скрыться. Гарибальди был заочно приговорен к смертной казни.

Потом он добровольно работал в холерном бараке в Марселе, участвовал в войне за независимость Республики Риу-Гранди против Бразильской империи, был ранен в бою с аргентинским кораблем, арестован, подвергался пыткам, участвовал в войне против уругвайских консерваторов.

В 1848 году Гарибальди получил известие о начале восстания по всей Италии против австрийцев. Он быстро присоединился к восставшим и скоро вступил в бой с превосходящими силами противника при местечке Луино, одержав победу. Против его небольшого отряда были направлены крупные воинские соединения австрийцев, и он был вынужден отступить и перейти границу Швейцарии.

В конце 1848 года Гарибальди с небольшим отрядом присоединился к восставшему народу в Риме, который осадили противники. Гарибальди успешно отразил штурм, а затем разбил войска неаполитанского короля.

В середине 1849 года крупные силы французских оккупантов подошли к Риму. Восставшие были вынуждены его оставить. Революция потерпела поражение. Гарибальди эмигрировал из страны.

В 1858 году началась война за объединение Италии. Га-

рибальди принял в ней активное участие. Он с отрядом волонтеров в 3000 человек несколько раз разбил австрийцев, но неудачно атаковал австрийцев при Трепonti, едва избежав полного уничтожения, что явилось результатом предательства объединенного командования союзников (Сардинское королевство и Франция). Гарибальди отказался от всех чинов, званий и вернулся к себе домой.

В 1860 году в Сицилии вспыхнуло восстание. Гарибальди немедленно присоединился к восставшим и после нескольких сражений очистил от неаполитанских войск весь остров. Он начал раздавать землю крестьянам, освободил политических заключенных.

После освобождения Сицилии отряд Гарибальди высадился в Калабрии и после нескольких сражений освободил всю южную часть Италии, и передал власть королю Сардинии, который возглавил теперь уже Итальянское королевство.

Во время австро-пруско-итальянской войны Гарибальди снова одержал ряд побед над пруссаками и австрийцами, и к Итальянскому королевству была присоединена Венеция.

В 1867 году Гарибальди решил освободить Рим, но его небольшой отряд был разбит объединенными папскими и французскими войсками, он был арестован и отправлен в ссылку.

В 1870 году Гарибальди помог Франции в войне с Пруссией отстоять юг Франции от вторжения немцев.

В своих мемуарах Гарибальди отметил: «Я привык подчинять любые свои принципы цели объединения Италии, каким бы путем это ни происходило» [18, р. 341].

Свою общую позицию герой сформулировал так: «Будучи сторонником мира и дружбы между народами, я оказываюсь вновь вынужденным братья за оружие, что противоречит моим принципам. . . Я не люблю войну, это слёзы угнетенных заставляют меня взяться за оружие» [19, р. 4].

Китайский революционер Сунь Ятсен (1866-1925)

Сунь Ятсен еще во время учебы в медицинском институте совместно с друзьями задумал свергнуть ненавистную китайцам маньчжурскую династию Цин, правящую в Китае. Со временем он пришел к мнению, что только революционные меры могут вернуть страну в ряд ведущих держав мира и вывести ее население из нищеты.

Он создал первую революционную организацию Китая, но власти раскрывают ее, и он вынужден бежать в Японию.

Во время революции 1912 года Сунь Ятсен был избран временным президентом Китая и основал национальную партию Китая Гоминьдан.

Сунь Ятсен взялся за разработку основных принципов, реализация которых позволит сделать Китай могущественной и процветающей державой.

По его мнению, необходимо прежде всего исключить эгоцентризм из политической жизни и объединить различные

народности Китая в борьбе за независимость.

Сунь Ятсен также предложил провести демократические реформы в Китае, предоставив всем гражданам право на выборы, право на отзыв избранных представителей, право на законодательную инициативу и право на референдум.

Он посчитал в соответствии с китайскими традициями добавить контрольную и селективную власть к законодательной, исполнительной и судебной.

Благосостояния народа, по соображениям Сунь Ятсена, можно было бы достигнуть только созданием индустриальной экономики и обеспечения равенства крестьянского землевладения, а китайское правительство должно было бы следить за тем, чтобы у населения было в достатке жилье, одежда и нормальное питание.

Таким образом. Сунь Ятсен полагал, что Китай может уклониться от недостатков, присущих капитализму, а социализм может быть построен просвещенными людьми с помощью государства вне классов.

В 1919 году он восстановил Гоминьдан, а в 1921 он снова занял пост временного президента, но его власть ограничивалась только одной провинцией Китая.

На съезде Гоминьдана в 1924 году, которым он руководил, был принят революционный манифест.

Сунь Ятсен попытался объединить весь Китай при поддержке Коминтерна, но во время одной из поездок по Китаю умер.

Латиноамериканский революционер Эрнесто Че Гевара (1928-1967)

Весьма характерным примером героя – борца за народное благо против любых угнетателей может служить вроде бы поначалу обычный аргентинский врач и выходец из буржуазной семьи Эрнесто Че Гевара, который влился в ряды малочисленных борцов другой страны с диктатором Батистой – безжалостной американской марионеткой на Кубе.

Че Гевара, несмотря на хроническую астму, работал в лепрозориях и объехал многие страны Латинской Америки. Он насмотрелся на ужасные условия жизни простых труженников, издевательства над ними плантаторов и фабрикантов, душа его наполнилась отвращением к подобному порядку, и он посвятил свою жизнь улучшению положения широких масс трудящихся. Но, как только появилась возможность реальной борьбы с угнетателями, он не преминул вступить в нее, хотя всего-навсего 82 человека практически не имели шансов одержать победу над многочисленными войсками кубинского диктатора Батисты с танками и самолетами.

Действительно, после первого боя уцелело только несколько десятков человек. Тем не менее, они начали партизанскую войну, к которой постепенно примкнули кубинские крестьяне, которым надоел негодяй Батиста. Борьба за правое дело увлекла народ Кубы и через несколько лет активные борцы одержали победу. Диктатор сбежал с острова.

Несколько лет жизни на руководящих постах на социалистической Кубе показались скучными для героя, привыкшего к безжалостной и кровавой борьбе.

Поэтому он сложил с себя все звания, высокие должности и даже кубинское гражданство, и уехал поднимать бедняков на революцию в других странах.

Однако, многого Че Гевара не учел. В частности, в Конго крестьяне отнеслись к отряду кубинских революционеров враждебно и им пришлось оставить эту страну. Поднять революционное движение в Боливии Че Геваре так же не удалось. Население не поддержало Че Гевару, его партизанский отряд численностью 50 человек был разгромлен отрядом правительственных войск из 650 солдат, он был ранен и через несколько дней убит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.